

ТИТУЛОВАННЫЙ С ОЛОВЕЙ

*Марина
Кель*

16+

Мариша Кель Титулованный Соловей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51693286

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-07090-5

Аннотация

Вторая книга серии «Ольденбургское поместье». «Печальная красавица» – так молодую княжну Кити Ольденбургскую тайно называют в высшем свете. Всегда грустна и молчалива, с непонятым упорством девушка отвергает бесчисленных поклонников. Не в том ли дело, что все эти годы княжна томится в тоскливом ожидании? Не от того ли глубину её глаз наполняет тайная грусть, что много лет назад из турецкого плена бесследно исчез тот, чьим голосом восхищался весь высший свет, величая его «Титулованный Соловей».

Содержание

Глава 1	17
Глава 2	41
Глава 3	81
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Мариша Кель

Титулованный Соловей

Пролог

*Российская империя. Имперский театр.
Март, 1859 год.*

В этот ласковый весенний вечер Имперский театр поражал и восхищал своим непревзойдённым великолепием. Длинные вереницы неспешных экипажей тянулись на всю подъездную улицу. Тысячи огней, дарящих свой свет и своё отражение серым лужам, и шум нетерпеливо возбуждённой толпы – всё это служило главным украшением помпезного здания с внушительными белыми колоннами. Этим вечером зрительный зал театра обещал быть переполнен. Именно сегодня блистательная оперная дива Лили Керн, вернувшись из длительного турне по Европе, давала своё первое выступление в сезоне.

Публика обожала Лили, боготворила эту прелестную блондинку, имевшую внешность Афродиты. Даже самые ярые блюстительницы общественной нравственности и правил приличия закрывали спокойно глаза на бесчисленные романы и пикантные слухи о легкомысленной диве. Стремясь этим вечером попасть в Имперский, они жаждали уви-

деть собственными глазами эту Богиню любви с голосом Сирены. Великолепной Лили прощали всё, даже очередного любовника, даже француза.

Экипаж Ольденбургских остановился перед белой мраморной лестницей с бесчисленным количеством ступенек, ведущих к распахнутым дверям театра. «Как же они похожи на распротёртые объятия доброго друга», – подумалось Кити в тот момент, когда она грациозно опустилась со ступеньки экипажа, приняв помощь поспешно услужливого лакея.

Кити всегда любила театр, и он восхищал и манил её. Будучи юной девушкой, она любила представлять себя стоящей в лучах света в середине сцены. Она пыталась ощутить трепет и ужас от устремившихся к ней в восхищении десятков тысяч лиц и любопытствующих пар глаз. Не то чтобы она была тщеславна – нет. Просто порой Кити хотелось испытать то же, что чувствовал Он. «Что с ним происходило, когда он пел на сцене, а голос его сводил с ума сидящих в зрительном зале?»

Долгими, одинокими, бессонными вечерами Кити думала о нём и в очередной раз стремилась познать и разгадать его. Но множество вопросов, роившихся в её голове, так и оставались без ответов. «Титулованный Соловей» пропал безвестно много лет назад, и вместе с ним пропало сердце Кити.

В то далёкое время молодая княжна Кити Ольденбургская совершала свой первый выход в свет. Ей пророчили блестящую партию, ошеломительный дебют в свете и популярность

как превосходной особе на выданье. Возможно, всё оно так и случилось бы, но Кити, с каждым годом становясь всё прекрасней, упорно отвергала ухаживания и бесчисленные предложения руки и сердца. И по сей день оставалась непреклонной в своём решении «определить себя в старые девы», как с укорительной насмешкой утверждала её нянюшка Неёла Ануфриевна.

Понимая всю абсурдность стремления близких получить от неё ответ по этому поводу, Кити овладела высшей степенью навыков и уловок, как избежать разговоров на данную тему. Всё кончилось тем, что девушку, в конце концов, оставили в покое. Никто более не досаждал ей расспросами и намёками в отношении счастливицы, коему выпала бы высокая честь отвести её к алтарю.

Единственным человеком, с которым Кити могла обсуждать эту тему и быть предельно откровенной, была мачеха Кити. В прошлом, будучи компаньонкой девушки, Мари сумела стать ей добрым, верным другом и близкой родственницей, выйдя замуж за отца Кити князя Ольденбургского. И теперь уже княгиня Мари Ольденбургская обожала свою падчерицу и всегда была готова помочь делом и советом своей горячо любимой и близкой подруге. Ведь именно Кити в своё время приложила массу усилий, чтобы бракосочетание её отца и компаньонки непременно состоялось и влюблённые не смогли упустить своего счастья. Но сама же Кити именно так и поступила, пойдя на поводу у своих девичьих

капризов. Она ответила отказом на признание в нежных чувствах «Соловья». Как оказалось, слишком поздно она поняла и осознала ту степень глупости, которую совершила, обрекая своё сердце на вечную тоску. Должно быть, своим отказом она толкнула и Щербатского на нечеловеческие страдания и муки. Выслушав ее отказ, возможно поразивший его, Вольфганг Щербатский тем же днём добровольно отправился на войну. Он пополнил ряды главных сил войска под командованием генерала Муравьёва, штурмовавших укреплённую турками крепость города Карса.

Каждый раз, закрывая глаза пред сном, или уже пробудившись на рассвете, Кити мечтала о нём. И, воображая их новую встречу, она невольно вспоминала тот день, когда в парке он пел для неё, объясняясь языком музыки и поэзии в своих чувствах. Вечные грёзы о нём стали для девушки мучительным наказанием. Незримо Щербатский всегда и всюду сопровождал её. И даже внутренний голос, голос совести Кити, имел его неповторимый мягкий тембр.

Имперский театр как ничто иное дарил Кити воспоминания о нём, о его чудесном голосе, который сводил с ума практически всех особ женского пола. И что скрывать, даже бывало, иные теряли сознание во время выступлений Соловья. У Кити всегда такие проявления вызывали умиление и ничего кроме него. Но сейчас она готова была поклясться, что, услышав его голос вновь, сама непременно бы лишилась чувств. И, возможно, она рисковала потерять рассу-

док от счастья, так она ждала его и лелеяла надежду на новую встречу с ним. Пять долгих лет память Кити хранила милые её сердцу черты. И тысячи раз неустанно прокручивались драгоценные моменты прошлого: как он смущался под её дерзким девичьим насмешливым взглядом, как сердился, по-мальчишески пытаясь сломать непокорную ветвь ивы, и с каким обожанием и любовью всегда глядел на нее. И было столько нежности в его глазах, серьёзности и преданности, что вечности не хватило бы исчерпать всю глубину этих чувств. . . . «Как же она могла так поступить с ним!?» – и вновь сердце Кити болезненно сжалось, и она поморщилась от собственного недовольства собой.

– Всё в порядке, дорогая? – услышала Кити голос Мари, своей близкой подруги. Ничего не изменилось в дружбе двух женщин, хотя они, возможно, могли стать и соперницами, деля любовь отца для Кити и мужа для Мари. Князь Ольденбургский был щедр в чувствах и к дочери, к жене, и к маленькому сыну, родившемуся у них с Мари. Но память всех хранила, как совсем недавно и уже давно, пять лет назад, князь нанял для дочери суровую, пожилую компаньонку, которая придерживалась строгих правил. Но как позже выяснилось, Мари совершенно таковой не являлась, и затеяла весь этот безобидный маскарад лишь для того, чтобы наверняка получить место компаньонки при дочери князя. Кити оказалась первой, кому раскрыла тайну Мари, на тот момент графиня Валевская. Добрая девушка поняла всю тяжесть существо-

вания графини Валевской и даже не допустила и мысли о её разоблачении. Они очень быстро подружились и вскоре стали неразлучны.

Вот и теперь Мари разглядела в подруге тревогу и смятение чувств, в коих та пребывала всё то время, что они ехали в экипаже. С нежностью, улыбнувшись и взяв барышню под руку, Мари повела Кити вверх по мраморной лестнице театра.

– Воспоминания нахлынули?.. – догадалась Мари.

– Да, – легко выдохнула Кити, но сердце девушки готово было разорваться от тоски, – Мари, мне нужно в дамскую комнату, мне что-то...

– Конечно, конечно, дорогая, – буквально подхватив Кити на полуслове, встрепенулась Мари, – я провожу тебя, и мы...

– О, нет-нет, Мари, – чуть приостановив подругу, попросила девушка, – я уже вижу тревогу в глазах отца... Прошу, Мари, отвледи и успокой его. Я присоединюсь к вам в нашей ложе раньше, чем вы успеете до неё добраться.

Мари с тревогой вглядывалась в бледное лицо падчерицы. Приложив свою ладонь к холодной щеке Кити, она не на шутку разволновалась.

– Кити, милая, ты... – начала было Мари, но девушка, перехватив её руку и прижав к груди, тем самым постаралась остановить попытку утешить её и выразить сочувствие, которое вот-вот было готово сорваться с губ Мари.

– У меня голова кругом, Мари.... Сейчас отец увидит ме-

ня в подобном состоянии, сразу объявит тревогу. И это происшествие будет обсуждаться в каждой бальной зале, пока отец не выкинет ещё какую штуку во спасение своей дочери.

– Но тебе... – попыталась Мари переубедить Кити.

– ...Со мной всё в порядке. Уверяю тебя. Я просто поддавалась тревожным воспоминаниям, и это возбудило и растрогало меня, не более того. Мне всего-то нужно добраться до дамской комнаты и промокнуть виски прохладной водой.

Мари, не мигая, смотрела на падчерицу, с подозрением сощуриив глаза, пытаясь распознать серьёзность недуга, отразившегося на её лице.

Кити, увидев приближающегося к ним отца, продолжила ещё быстрее:

– Взгляни, – обратилась она к Мари, вытащив из рукава своего платья белый платок, – вот, я только смочу платок и всё.

Кити как бы в подтверждение своих слов махнула перед лицом Мари кружевным треугольником. Она уже спиной чувствовала задумчивый взгляд отца и почти слышала его голос, который непременно спросит: «Почему моё счастье грустит?» Вот-вот она представила, что через несколько секунд непременно это услышит. С сжатых губ Кити сорвался тихий умоляющий стон, адресованный непреклонной подружке. Девушка уже чувствовала тепло ладоней отца, готовых было опуститься на её плечи, но Мари быстро промолвила:

– Хорошо.

– Спасибо, – чуть слышно вымолвила Кити и, поспешив скрыться от назойливой опеки отца, кинулась в сторону дамской комнаты.

– Моя любовь... – перехватила внимание встревоженного отца Мари.

Нежно взяв супруга под руку, она чуть прильнула к нему всем телом.

– Кити к нам присоединится чуть позже...

– Она грустит, – безошибочно угадал князь настроение своей дочери.

– Да, грустит, – подтвердила Мари, – но Кити уже не малышка и сможет с этим справиться без тебя, уверяю. В свою очередь могу пообещать тебе, что постараюсь развеять её хандру и придумаю что-нибудь.

– Это была плохая идея – ехать сюда, – скорее себе, чем кому-либо, сказал князь.

– Это была твоя идея, Влад, – напомнила ему Мари.

– Серьёзно? – задумавшись, нахмурился он.

– Неужели же ты думаешь, что я могла предложить тебе провести вечер...

Мари осеклась, вовремя умолкнув. Влад развернул жену к себе лицом, с любопытством заглянув ей в глаза. Он любил эту женщину, как никого в этом мире. Она сумела успокоить его мечущуюся душу и подарила взаимную, безграничную любовь. Она вернула ему жизнь, родила сына, и в прошлом месяце его наследнику исполнилось уже четыре го-

да. Пять лет брака, а его супружеский восторг с каждым годом всё возрастал. Княгиня Ольденбургская была примером женственности, мудрости и прослыла одной из первых красавиц высшего света.

Вспомнив, как однажды чуть не затеял дуэль по причине глупой ревности, князь улыбнулся, глядя в прекрасные глаза своей жены, и продолжил:

– Ты не договорила, моя любовь... – тихо произнёс Влад, хитро улыбаясь. Тем самым давая понять Мари, что не оставит её в покое, пока она не продолжит. – Провести вечер?.. Продолжай, моя прелесть.

Мари подняла на мужа сердитый, нахмуренный взгляд. Она и не подозревала, в какой восторг приводят Влада её ревность и беспочвенная обида. Мари, поджав губы, упорно продолжала молчать.

А он тихо произнёс:

– Тогда позволь помочь тебе, – шутливо предложил Влад, слишком явно наслаждаясь моментом проявления слабости жены.

Он склонился к самому уху Мари и прошептал:

– Ты страшно ревнуешь меня к Лили...

– Нет! – громче, чем ожидала, выпалила Мари. – Я вовсе не это имела в виду.

– Нет? – насмешливо изумился князь. – Тогда что же? Прошу, моя дражайшая, объясни?

– Я лишь хотела заметить, что не могла предложить по-

добного, но из этого ничего не следует, – немного успокоившись, рассудительно объяснила Мари свою позицию мужу.

– Другими словами, ты не будешь убиваться от горя, если я погибну!

– Ох, что за вздор! Влад, как ты можешь так шутить?!

Мари даже стукнула кулачком в грудь мужа, которая содрогнулась от неприлично громкого его хохота.

Взглянув на эту пару даже первый раз, становилось понятно, что супруги обожали друг друга. Влад никогда не упускал возможности, будь то на людях или уж тем более наедине, ненароком или целенаправленно прикоснуться к своей супруге или сорвать с её губ быстрый, но всегда нежный и ответный поцелуй.

Вот и теперь нарочно задержав Мари в тёмном алькове, перед входом в ложу, Влад накрыл губы жены страстным поцелуем и, почувствовав ответ её желания, чуть отстранившись, прошептал:

– Ты моя единственная и желанная.

Мари готова была утонуть в тёмных озёрах глаз, что с бесконечным обожанием смотрели на неё. Порой ей с трудом верилось в своё счастье. «Возможно ли?.. И где это видано, чтобы так влекло друг к другу, будто она очарованная дебютантка, а он юнец, влюблённый в свои грёзы?! Это же что-то неприличное!» – думала Мари каждый раз, когда её супруг вот так смотрел в её глаза, словно заражая своей страстью. Они тонули друг в друге, были дыханием друг друга, ну

и размолвки, конечно же, случались, особенно из-за детей, особенно из-за младшего Александра, но конфликт и обиды быстро угасали, стоило Мари попасть в объятия мужа.

Увлечённые друг другом, Мари и Влад, пропустив начало спектакля, поспешно заняли свои места, когда уже был погашен свет. Успокоив свои бушующие чувства, с безграничным сожалением вздохнув и обменявшись многообещающей улыбкой, супруги перевели своё внимание на сцену. Но увиденное заставило князя и княгиню вновь резко посмотреть друг на друга, но уже с безграничным изумлением, так как голос, который доносился со сцены, заставил Мари ахнуть и замереть, а Влада, позабыв о сдержанности и правилах приличия, громко восторженно выругаться. Не веря своим глазам, взирая на сцену и не понимая до конца всё-таки, что же происходит, князя в этот момент посетила лишь одна здравая, реальная мысль: «Где, чёрт возьми, его дочь?!»

Кити, дождавшись столь желанного уединения, освежив лицо прохладной водой и поправив причёску, наконец, сумела прийти в себя и унять внутреннее напряжение. Она не могла понять, что же такое творится с ней?! Девушку бросало то в жар, то в холод, и тревожное предчувствие, даже не тревожное, а восторженно-бушующая тревога, как во время шторма взбесившаяся волна, накрывала Кити с такой силой, что она не понимала, как с этим справиться. Кити с повышенным вниманием оглядела себя в зеркало и, оставшись

довольной своим внешним видом, покинула дамскую комнату. Звонкое эхо встретило Кити в вестибюле театра и, подхватив её быстрый, уверенный шаг, проводило по лестнице и таинственно смолкло у двери. Преодолев, казалось, бесконечную лестницу, Кити отыскала ложу, которую отец ангажировал для них на этот вечер.

Как только лакей распахнул перед молодой княжной двери, неземные звуки, заполнявшие маленькую ложу и весь зрительный зал, словно вырвавшись на свободу безудержным потоком, накрыли Кити, нежно заставив её замереть в невозможности сделать последующий вдох. Звуки, точно райские птицы, взмывали ввысь и в тот же миг обрушивались на дрожащую всем телом Кити ласковой волной дорогих её сердцу воспоминаний. Этот голос Кити призывала из глубин своей памяти к себе во сны, голос мужчины, с которым она мечтала терять свет угасающего дня в блеске звёзд и так существовать до следующих дня и ночи, лишь бы видеть Его, слышать его голос.

Снишься мне...

И в ночной тишине

Снишься мне...

Как надежды глоток,

Моей жизни пустынный поток.

Любимая моя,

Прошу, живи в тени души моей.

Твои черты мне света дня милей.
И нежность ночи всей,
Как ярко-звёздное вино.
Вспоминанья – грёзы о тебе,
Стекает к сердцу мне, на дно
Влюблённых звёзд вино...

Глава 1

Батум.

Декабрь, 1855 год.

Турецкий фрегат «Перваз-бахри» тяжело скользил по тёмным волнам Чёрного моря, отбивая от берегов города, очертания которого, окутанные ночным туманом, становились с каждой минутой всё более размытыми, удаляясь.

Пассажиры этого судна не толпились на палубе, весело переговариваясь и радуясь тому, что отправляются в увлекательное путешествие, а сохраняли суровое молчание, мысленно проклиная «Олюум сахиле», как они промеж себя нарекли бухту Батума, что в переводе означало: «Место, несущее смерть». Мрачную и угрюмую тишину нарушал лишь плеск беспокойных волн, запах страха и боли будто окутал судно невидимым шлейфом. Многие впали в полузабытье, истерзанные адовой лихорадкой. Кого-то мучила морская болезнь, а тех, кого обошла участь того и другого, выворачивало наизнанку от страха.

Омир-паша со своим оставшимся войском, потерпев поражение, отступал, держа курс к берегам Турции.

Известие о взятии русскими войсками осадного города Карса заставило турецкого главнокомандующего приостанов-

вить военные действия, и контрастступление злой русской зимы окончательно подвело его к решению: «отступить!».

Замёрзший турок, подгоняемый тифозной лихорадкой, бежал с кавказских земель, стуча зубами и зализывая раны.

Отвернувшись от всех в сторону берега, Щербатский вглядывался в отдаляющиеся очертания города со смешанным чувством радости и печали. Он имел возможность и даже удовольствие наблюдать озлобленно-подавленное настроение тех, что остались от турецкой армии и её главнокомандующего Омира-паши.

Но вместе с тем Вольф понимал, что пройдёт очень много времени, прежде чем он вновь увидит родные края, окажется в дорогих его сердцу местах, сможет, наконец, отдохнуть душой и телом в желанной прохладе.

Пределом своих мечтаний Вольф почему-то определил тенистый лес, с его умеренно-влажным воздухом и пробивающимися сквозь сочную листву лучами нежного солнца.

«А если бы зима дома?..» – думалось Щербатскому. Зимнее солнце в родных краях по-особому ласковое, хоть и яркое от ослепительно белого снега, но удивительно мягкое. А белый блестящий снег?.. «Он как сверчок под твоим шагом...хрустит».

Ещё одним неизменным стимулом к выживанию Щербатскому служил светлый образ его безответной любви. Именно это обстоятельство толкнуло его на нынешний исход, но он был благодарен судьбе за данный урок. Стоило пройти и

перенести подобное только для того, чтобы лучше понимать жизнь, ценить её в полной мере и вдыхать полной грудью. «Он непременно высвободится, выберется отсюда и обязательно увидит её вновь! Он будет действовать по-другому. Не позволит оставить место для мелочных и глупых обид и для ненужных игр в «несчастье». И Кити непременно поймёт, что он тот единственный, кому она суждена!».

До тупой, приглушённой боли в груди, до крови искусанных губ Щербатскому желалось оказаться в своих мечтаниях, в своих коротких, но неизменных снах, там, на Родине, рядом с предметом своей любви.

Более двух лет по долгу службы он пребывал в этой дикой чужой стране и всем своим существом стремился вернуться назад. Эти же неблизкие и до одури осточертевшие ему края, казалось, были губительны для всего живого. Громадные пространства, поверхность которых была покрыта множеством текучих вод: болотами и непроходимыми дикими лесами, реками, прорезающими течением равнину с севера и востока, и бесконечные дожди, сопровождающие каждую осень и весну. В демисезонное время года дождь мог лить пятнадцать дней и пятнадцать ночей не переставая. Так однажды уже было, но тогда случился потоп и наступил конец света Божьего, а тут наводнение не грозило поглотить всё живое; почва, благосклонно принимая и впитывая невероятное количество воды, грозила расправиться со всем ныне живущим по-иному. Глинистая почва, насыщенная водою,

превращалась в непроходимую грязь, в которой, как в болотах, тонули лошади, и люди, армии. В такое время приостанавливались и войны, и сама жизнь.

В последнем сражении турки на этом адском берегу потеряли десятки тысяч людей. Хотя эти места были далёкой пограничной периферией, и турецкие власти почти не уделяли им внимания до недавнего времени. Город Батум стал пограничным, и отношение к нему поменялось. Начались бесконечные русско-турецкие войны, а батумская бухта стала ближайшей глубоководной к российской границе.

Мало того, у русской и турецкой армий был ещё один общий враг – так называемая «черноморская лихорадка». Эти лихорадки являлись естественным последствием накопления стоячей воды и разложения в ней органических веществ. Подобное скопление вод вредило не только живым существам, но даже растениям: гектары огромных лесов от постоянной чрезмерной влажности разлагались и превращались в труху буквально стоя. Обессиленные и мягкие стволы деревьев не могли быть полезны ни в чём, и уж тем более в строительстве домов или кораблей, одно, как и другое, строго требовало прочности материала.

Небольшое число судов, построенных или реконструированных из гнилого дерева, в том числе парусный фрегат «Перваз-бахри», а в прошлом – героический фрегат Императорского черноморского флота «Фаворит», имел в своих боках много подобного леса. Быстро прогнивая и будучи

изначально трухой, «Перваз-бахри» имел высокую вероятность даже при умеренном шторме оказаться на дне морском. Водоизмещение судна составляло тысячу восемьсот сорок тонн, почти сорок шесть метров в длину и тринадцать – в ширь, а осадка – до шести метров. Экипаж фрегата составлял четыреста сорок три человека. Вооружение состояло из двадцати двух 24-фунтовых медных пушек и четырёх 1-пудовых медных «единорогов» на деке, двадцати 18-фунтовых медных пушек и четырёх 7-фунтовых медных пушек на шканцах и баке. При этом 24- и 18-фунтовые медные пушки были взяты из осадной артиллерии, а 7-фунтовые – были турецкими. В настоящем времени «Перваз-бахри», а в несколько отдалённом прошлом парусный фрегат «Фаворит» и линейный корабль «Императрица Мария» совершили невозможное в ходе крупного последнего сражения. Турки потеряли семь фрегатов, три корвета, пароход и четыре транспорта. Из четырёх тысяч пятисот человек, составлявших экипаж турецкой эскадры, погибло три тысячи. Много турок было взято в плен, в том числе и командующий эскадрой Осман-паша. Эскадра русского главнокомандующего Нахимова не потеряла ни одного корабля, но дальнейшее участие англо-французского флота, вышедшего в Чёрное море в поддержку турецкому, изменило победное положение русского флота, отправив «Императрицу Марию» на морское дно, а «Фаворита» сделав пленённым судном.

В попытке спасти свои жизни и поскорее убраться с вра-

жеской территории турки наспех залатали «Фаворита», дав ему новое имя – «Перваз-бахри», в переводе означающее «Владыка морей», что совершенно не соответствовало нынешнему состоянию корабля.

Именно на это опасение турков Щербатский возлагал большие надежды, размышляя о последующем побеге.

Планируя поторопить неминуемую катастрофу и обернуть её последствия в свою пользу, пленённый Щербатский решил непременно потопить «Перваз-бахри», и будь что будет...

Проведя почти год в турецком плену, он никак не мог понять, почему до сих пор оставался в живых. Теперь в этом мужчине было сложно узнать князя Вольфганга Щербатского, штаб-офицера, майора Русской армии, и уж тем более этот мужчина был далёк от покорителя дамских сердец, наречённого прелестницами высшего света «Титулованным Соловьём». Тяжёлая болезнь, голод и многочисленные лишения изменили его до неузнаваемости. Когда-то крепкий и статный с классическими чертами лица, казалось, высеченный из дорогого мрамора, сейчас он был похож на живой скелет. Вместо светлых, как колосья спелой пшеницы, и слегка выющихся на концах волос во все стороны торчала косматая шевелюра неопределённого цвета. Измождённое лицо почти полностью закрывала грязная борода. А когда-то льдисто-голубые озёра глаз выцвели от нещадно палящего солнца, став бледными, почти прозрачными. Даже род-

ная мать, будь она жива, едва ли признала бы сейчас в этом мужчине своего сына.

Щербатский до боли сжал зубы, пытаясь справиться с накатившим приступом отчаяния и безудержной тоски. Он был одним из лучших представителей русского офицерства, и не было причин усомниться в его самоотверженности, чести и отваге.

За этот, казалось, нескончаемый год плена Щербатский предпринимал множество попыток побега, но все они были тщетны. В крайнюю из шести своих попыток Щербатский, чуть не захлебнувшись в топкой грязи вместе с краденым конём, уже был готов попрощаться с жизнью. Но к своему счастью или на свою беду, ему не удалось далеко уйти от лагеря. Обнаружив уже по горло в гниющей трясине Щербатского, турки вытащили его полуживого верёвками. Коня не удалось спасти из засасывающей грязевой смертельной трясины. Коня Омира-паша.

И даже на это Омир-паша не отдал распоряжения пристрелить непокорного пленного, доставляющего ему и без того много хлопот... «А зря...» – улыбаясь сокровенным мыслям о побеге, подбадривал себя Щербатский.

– Не ушёл ты далеко, – только и сказал в тот раз Омир.

Ему доставляла безграничное удовольствие и сама мысль о том, что он владеет чем-то диковинным. Русский офицер, поющий для него и его гарема, он веселил пашу и придавал его самолюбию особый оттенок всевластия.

– Когда-ль ты запоёшь? – тихо шипел он над, охрипшим и задыхающимся в приступе кашля от удушливой болотной жижи Щербатским.

Омир-паша имел удовольствие и честь лично познакомиться с превратностями этой ненавистой местности. Из опасения потонуть с людьми и орудиями в грязи он был вынужден отступить, отказавшись исполнить превосходную диверсию в пользу Карса.

Перед выступлением в неприятельский край Омир-паша счёл нужным построить укреплённый лагерь посреди болот Чорук-чу, чтобы обеспечить своему полку прочную устойчивость. До Батума было ещё шесть часов пути; поэтому было необходимо, в случае отступления, иметь место поближе. Этот укреплённый лагерь не представлял ни малейшего сопротивления против серьёзной атаки и по своей злокачественной местности превратился в братскую могилу для армии Омира-паши. Только в самом лагере находилось три пруда, окрестности же представляли собой сплошное болото.

Не предполагая причин, побудивших русских, сдав позиции, покинуть эту местность, Омир-паша вообразил себе, что они бегут; вследствие чего турецкая армия без единого выстрела заняла Потти, Ретуд-Кале и Сухум.

Что весьма дёшево досталось паше, за то его войско заплатило собственными шкурами. Армия Омира лишилась тысячи человек, умерших от лихорадки и тифа. Для главноко-

мандующего это был непростительно глупый поступок.

С самого начала своего похода Омир-паша имел весьма смелый план действий, по которому прямо и без остановки он должен был дойти от Батума прямо до Петербурга. Что же касается русских, то Омир полагал достаточным показаться, чтобы заставить их бежать без оглядки.

Омир-паша принадлежал к настоящим пашам старой закалки: красивый, толстый, даже жирный, и сильный, он, казалось, в ходе беседы позировал невидимому художнику. Обожая роскошь, женщин и удовольствия, турецкий главнокомандующий всюду вёл за собой не только многочисленную армию, но и свой немалочисленный гарем, который впоследствии его и погубил. Женщины на войне – немыслимое и недопустимое дело, как считал сам Щербатский. Несмотря на плен и жизнь в неволе, всё вокруг него блистало роскошью и восточным сладострастием.

На войне и в политике Омир-паша придерживался одной верной стратегии: сначала он делал подарки и всячески благоволил; если этим не достигал цели, то без дальнейших затей снимал голову с плеч.

Щербатский ожидал, когда же он переступит грань выдержки турецкого повелителя, но, видимо, потребность Омира в Щербатском была столь велика, что терпение пашши сделалось безграничным. Чего нельзя было сказать о дипломатической выдержке Омира по отношению к грузинам и имеретинам.

Во время своего первого или второго побега, Щербатский уж не помнил точно какого, он увидел такое, что долгое время являлось к нему в кошмарных снах.

Поначалу войско Омира-паши и вся турецкая администрация располагались в небольшой крепости, что находилась на берегу реки Каролицкали, примерно в пяти километрах севернее Батума. Рядом с крепостью не было ровным счётом ничего, что могло бы помочь Щербатскому, ещё одному русскому офицеру и трём турецким пленённым грузинам совершить побег. У подножья крепости стояли лишь маленькие, провалившиеся от сырости домики да серая, ветхая от времени мечеть. Сама же батумская бухта была застроена домиками рыбаков; никаких укреплений, ни дозорных – ничего, что могло бы помешать побегу и добраться до деревни под названием Чаква, лежащей на самом побережье. Украв или позаимствовав лодку, Вольф планировал выйти на реку Чорук-чу и, спустившись вниз по течению, добраться до деревушки с тем же названием. От деревни Чорук-чу тифлисская дорога уходила вправо и, простираясь на много километров ввысь, вела к столь желанной свободе, до местечка Учамара – русской границы.

По мере удаления от крепости, следуя тенистой, болотистой долиной, выходящей к лесной дороге, беглецы, преодолев лес, оказались в широком поле, пролегающем меж плантаций, перед большой дорогой, ведущей к Чакве...

Русского офицера подстрелили сразу, а грузины...

Из попытавшихся сбежать пленных в живых оставили только Щербатского, и он недоумевал: «Почему?!!». По возвращении в крепость ему лишь показали глубокую тёмную яму в одном из помещений дома Омира-паши. Зловоние, исходившее от этой чёрной дыры, невозможно было перенести, но запах гниющей человеческой плоти был слишком хорошо знаком Щербатскому. Подведя его к яме, так, чтобы Щербатский смог всё хорошенько разглядеть, турок швырнул факел в тёмную бездну, и он ярко озарил чёрные земляные стены ямы, сплошь наполненной людскими головами. Они принадлежали грузинам, приходившим для переговоров с Омиром, которым ночью он преспокойно приказывал отсекал головы. Трёх сбежавших грузин столкнули в ту же яму, и они живьём горели в одном пламени.

Щербатский смотрел как прикованный, с безумием, не смея отвести глаз.

После каждый последующий раз, когда Вольф закрывал глаза, он видел этот ад и чувствовал запах смерти, так похожий на запах обуглившейся плоти. Так Щербатский отплатил за свою жизнь, жизнь в вечном кошмаре. Отказавшись от еды и сна, доведя себя до полнейшего оупения, он возжелал самую смерть.

Горестные раздумья Щербатского прервала женщина, чья внешность была укрóмно спрятана в чёрной чадре. Её ласковый голос будто вырвал мужчину из забвения, вновь вернув его на фрегат. Бережно поддерживая голову Вольфа, она

поднесла к его пересохшим губам ковш прозрачной холодной воды.

– Пей, Мейвели¹, – ласково прошептала Сетеней, и он жадно припал к воде.

Сетеней около года назад вместе со своей сестрой была похищена турецкими работорговцами в Черкесии и продана в рабство Омира-паши.

Однажды, случайно услышав, как Щербатский пел, а точнее сказать, выл от тоски и отчаяния, сидя в одиночной камере за очередной порыв к свободе, Сетеней вспылала к пленнику нежным чувством. Теперь уже всё своё свободное время она проводила подле него. Все дальнейшие попытки к бегству предпринимались Щербатским не без её доброй помощи. Только благодаря этой прекрасной женщине он ещё дышал и видел свет Божий.

Черкешенка считалась самой красивой женщиной гарема. Она отличалась изящным сложением, тонкой талией, полупрозрачной, как будто светящейся изнутри, белой кожей, огромными миндалевидными глазами и пышными, всегда уложенными в затейливую причёску, волосами. Кроме того, Сетеней была хорошо воспитана и умна, прекрасно танцевала и играла на музыкальных инструментах. О черкешенках слагали легенды, а слава об их красоте распространилась далеко за пределы Османской империи. За эту красоту и изящество черкесские женщины пользовались особой популяр-

¹ Сладкоголосый.

ностью в гаремах.

Омир-паша не чаял души в неземной красавице Сетеней, прощал ей любые выходки и обманы. Он наверняка знал, кто являлся помощником русскому смазливому офицеру в его вечных побегах, но предпочитал закрывать глаза на «развлечение» своей любимой наложницы, да и особо не до того ему было в это время.

Сетеней отняла ковш от губ обессиленного мужчины и, смочив кусок тряпки в остатке воды, отёрла его горячий лоб. Щербатского лихорадило восьмье сутки, и он точно знал причину – «Черноморская болезнь» одолела и его. «Да, если бы и пришлось погибнуть?! – думал Вольф. – Сейчас сама смерть в своём подвенечном наряде была бы прекрасна, столь величественна..., желанна».

Но Щербатский не планировал пойти на корм рыбам в одиночку.

– Сетеней, – чуть шевеля губами, обратился он к черкешенке, – ты достала то, о чём я тебя просил?

– Да, Мейвели. Тебер² я спрятала на нижней палубе, меж двух мешков риса. Моя младшая сестра Селима просила передать тебе слова благодарности...

Вольф, не дав договорить женщине, схватил её руку и, с силой сжав, прошептал:

– Так не пойдёт, Сетеней! Ты обещала всё устроить с лодкой. Что там твой преданный евнух?!

² Турецкий топор, секира.

– Тише..., тише, Мейвели, – поспешила успокоить его красавица, – Кизляр обещает, что всё устроит и позаботится обо всех невольницах гарема.

Вольф коротко и одобряюще кивнул. Будь он на месте Кизляра, он бы тоже мечтал удушить Омира-паша голыми руками и не думая вступил бы против повелителя в заговор.

В гарем паши Кизляр попал маленьким мальчиком, будучи набранным из числа пленных мальчиков иностранного происхождения, в основном чернокожих – из Африки.

В восточных странах монархи придавали большое значение чистоте династической крови, претендуя на происхождение от богов и на верховную власть. Чтобы исключить даже возможность неверности, половозрелых мужчин в покои своих жён и наложниц монархи не допускали. Готовили мальчишек в евнухи ещё до того, как у них началось бы половое созревание и они смогли бы почувствовать себя мужчинами.

Кизляру не было и восьми лет, когда его, оскотив, сделали евнухом. Жертву привязали к столу по рукам и ногам и, перетянув его мужской орган крепкой верёвкой, пустили в ход нож с острым лезвием. После рану прижгли калёным железом, вставив в канал для вывода мочи бамбуковую трубочку. Затем ребёнка на несколько дней закопали по шею в горячий песок.

Заживление и невыносимая боль при мочеиспускании продолжались несколько месяцев. Кизляр чуть не сгорел в

горячке. Многие кастрированные умирали даже от шока, от потери или заражения крови, остальные же, кому удавалось выжить, приобретали тонкие голоса, женственные черты лица и навечно неутолённую потребность в естественном желании, а также пожизненное «недержание».

Со временем Кизляр, превратившись в настоящего гиганта и имея прекрасно-женственные черты лица, начал пользоваться большим спросом у представительниц противоположного пола. И дабы удовлетворить покинутых прелестниц гарема, ему вовсе не требовался «эркек генеталь»³.

В Османской империи предпочтение отдавалось чернокожим евнухам-рабам, взятым в Судане, Эфиопии. Кастрированный африканец стоил дорого, дороже красивой христианки.

Пережив жестокую пытку мальчишкой, Кизляр молил своих Богов о жизни, лишь для того, чтобы суметь отомстить, отомстить за себя и за всех обиженных, униженных и лишённых достоинства рабов – детей.

Долгие годы пресмыкания и служения сломили и подавили дух мщениа Кизляра, но появление Щербатского возродило в евнухе былую жажду свободы, и заговорщики сошлись в этом желании. Лишь одно обстоятельство мешало приступить им к действию: «Женщины гарема не должны пострадать, ни одна», – как сказал евнух. Поэтому Щербатский медлил в ожидании, когда Кизляр подготовит всё необ-

³ Мужской половой орган (турецкий).

ходимое для спасения своих подопечных.

– Мы с Селимой не хотим ждать, – продолжала упорствовать прекрасная черкешенка, – мы из княжеского беснелеевского рода Кануковых и приходимся родными сёстрами черкесскому князю Маашуке Канукову. Мы не желаем быть рабынями больше ни дня. Уж лучше смерть, Мейвели.

Черничные глаза Сетеней с мольбой глядели на Щербатского, и в глубине этих бездонных колодцев глаз, обрамлённых чёрными пышными ресницами, дрожали слёзы.

– Значит, ты княжна, Сетеней?

Вольф как-то горько улыбнулся, а затем продолжил:

– Князь Вольфганг Вениаминович Щербатский, к вашим услугам, моя прекрасная черкешенка.

И, согнув указательный палец, князь Щербатский снял бриллиантовую слезу с ресниц черкесской княжны Сетеней Недак Геверин Кануковой.

– Как только я увижу хоть одну птицу, я потоплю это судно, Сетеней, – пообещал он, – а теперь иди, уже поздно.

Омир-паша всячески пытался ублажить свою возлюбленную, предлагая ей то восточные сладости, то дорогие прозрачные ткани и пёстрые наряды, то драгоценные ярчайшие серьги сусального золота, то подвески с браслетами из червонного серебра – всё, что удалось захватить с собой из огромного количества награбленного богатства, паша был готов бросить к ногам прекрасной черкешенки. Сетеней не

впускала его в свою каюту вот уже вторую неделю. Вскоре их путешествие подходило к концу, и по расчётам со дня на день они должны были заметить на горизонте берега Трапезунда⁴.

Омир-паша даже не подозревал, что в каюте возлюбленной вот уже вторую неделю готовился настоящий заговор, бунт и побег. По всей каюте были аккуратно разложены плотно свёрнутые тюки с припасами и всем необходимым. Наложницы гарема ночами работали не покладая рук, сшивая свои чадры и паранджи, дабы превратить свои юбки в штаны-шаровары.

Но в этот раз Омир был настроен серьёзно. Решив любым способом попасть в каюту своей наложницы, он приказал главному начальнику стражи разрубить в щепки массивную дверь.

Пока раб, орудуя огромной балтой⁵, обрушивал на дверь из дуба мощные удары, по ту сторону двери тихо возносили молитвы:

– Тхашхо, создатель Законов Вселенной, давший человеку возможность их познания, – шептала Сетеней, – тот, кого все просят, сам ни у кого не просящий. Тот, кто несуществующее умножающий. Тот, на кого все надеются, сам ни на кого не надеющийся, от кого дары исходят, сам ничего не принимающий, помоги детям своим воссоединиться на их зем-

⁴ Трапезон – город Турции, расположенный на берегу Чёрного моря.

⁵ Турецкий топор.

ле, в их Храме. Или даруй нам хабзэ. Избранный и хранимый тобою народ обязан вернуться и восстановить свой Храм.

– Всё пропало, Сетеней, – тихо простонала Селима по-черкесски, – он нас сейчас тут же и казнит...

– Тише, сестра. Да пошлёт нам Тха птиц на небе, и Мей-вели сделает что должен.

Щепки с каждым ударом балты с треском разлетались во все стороны. Паша уже мог видеть через внушительную щель всё происходящие, но для того чтобы большое тело паши могло протиснуться в каюту, дверь требовалось разрубить пополам.

Неожиданно, как по волшебству, в каюте потемнело, как будто кто-то снаружи накинул плотные одеяла на маленькие окошки. Раздался потрясающий громовой удар, в отдалении блеснула молния. Корабль резко качнуло, так, что евнух, замахнувшись балтой для следующего сокрушительного удара, отлетел от каюты в противоположный конец.

Все женщины в каюте хором завизжали и повалились на дощатый пол.

– Скорее, – скомандовала Сетеней, – хватайте тюки и наверх! Живо! Это наш шанс.

Сетеней, схватив Селиму и сунув ей в руки один из плотно скрученных тюков, распахнула двери каюты.

Ни на секунду не растерявшись, пользуясь благословенным моментом неожиданности, Сетеней вырвала с пояса старшего евнуха связку ключей и, преодолев вверх пару сту-

пеней, захлопнула снаружи дверь.

Две девушки-славянки и маленькая француженка, которая вообще не понимала происходящего, а только дико озиралась по сторонам, остались в каюте, не пожелав в открытую встречаться с разгневанной стихией.

Вырвавшись на свободу, Сетеней беглым взглядом сквозь обильную пелену дождя отыскивала Вольфа и, крепко сжимая руку сестры, кинулась к нему навстречу.

Насквозь промокший Щербатский, не веря своим глазам, как обезумевший смотрел на Сетеней, неумолимо приближающуюся к нему.

Её чадра, и в минуту намокшие волосы чёрным, тяжёлым палантином развевались за её спиной, глаза гневно сверкали на мрачном унылом фоне бушевавшей стихии. Сетеней была похожа на Богиню Мести, ведущую за собой по пятам младшую Богиню Справедливости.

Щербатский на мгновение залюбовался нереально-дивной картиной, как и все на палубе. Казалось, неумолимое время замерло, даря возможность мужчинам вдоволь восхищаться чистой красотой.

Но Сетеней, не тратя драгоценное время, в миг оказавшись рядом с Щербатским, крикнула, преодолевая вой ветра и шум бесноватых волн:

– Протяни мне руки!

Щербатский без раздумий повиновался приказу, и женщина в два проворных движения освободила его от нена-

ВИСТНЫХ ОКОВ.

– Где Кизляр?.. – только и успела выкрикнуть Сетеней, прежде чем огромная волна накрыла судно, безжалостно смывая за борт вся и всех, кто не успел удержаться хоть за что-нибудь.

Пронзительный холод окатил Щербатского наступившей волной, пробрав до костей, но он не выпустил из сжатого кулака чадру Сетеней. Притянув её ближе к себе и обхватив, он прижал её к мачте, обмотав её тонкую талию верёвкой.

– Держись, женщина! – почти прорычал Щербатский и кинулся на помощь Селиме, которую волна откинула на другую сторону судна.

Море бушевало и свирепствовало, обрушивая на «Перваз-бахри» всю свою силу и мощь. Шторм настиг судно столь неожиданно, что турки, не успев спустить паруса, лишились брамселей в одно мгновение. Ветер, словно взбесившийся пёс, налетев, разорвал ткань в клочья и теперь, казалось, точно забавляясь обрывками беспомощно метавшейся парусины, продолжал свою кровожадную игру.

Вольфу удалось отыскать Селиму, запутавшуюся в сетях и благодаря этому не вывалившуюся за борт. Освободив девушку от пут, Щербатский перебежками оттащил её безвольное тело к грот-мачте, где до этого оставил Сетеней.

– Что с ней, Мейвели, что с моей сестрой? – испугалась женщина и, прижав Селиму к груди, откинула с её лица мокрые волосы.

– Она наглоталась воды, – выкрикнул Вольф, – переверни её, переверни вниз лицом.

Сетеней наклонила сестру, как сказал Щербатский, сделав пару лёгких ударов по спине девушки, в попытке освободить её легкие от воды.

Как только Селима начала откашливаться и смогла вдохнуть полной грудью глоток воздуха, новый поток волн, словно взбесившиеся химеры, обрушился на несчастных, казалось, с удвоенной силой.

– Где Кизляр? – повторила свой вопрос Сетеней, дрожа всем телом и отплёвываясь от солёной воды.

– Евнух в трюме, следует нашему плану, в отличие от тебя, – пытаюсь преодолеть ревуший шторм, ответил ей Щербатский, – почему ты здесь?!

– Паша приказал выломать дверь в мою каюту, я не могла больше медлить! – попыталась объяснить свою поспешность Сетеней.

Щербатский окинул взором палубу, пытаюсь рассчитать их путь к лодкам. Понимая, что даже если он справится с узлами, то в одиночку опустить на воду в момент бушующего моря лодку у него не выйдет, да ещё нужно будет постараться уберечь от смывающих за борт волн двух женщин.

– Ждите здесь, – крикнул Щербатский и устремился к левому боканцу, на котором висели шлюпки.

По плану Кизляр должен был обозначить красной материей пробоину по левому борту фрегата, «но в такой шторм

евнуха наверняка давно уже унесло в открытое море», – подумал Щербатский, но решил всё же проверить.

Подгадав нужный момент и намотав на кулак цепь таке-лажа, Вольф перегнулся через бакборт судна.

Поначалу Щербатский не мог поверить своим глазам. Он даже склонялся к мысли, что его воображение сыграло с ним злую шутку, заставив принять желаемое за действительное. Длинный кусок палантина, насквозь пропитанный водой, стал тёмно-красным, почти бордовым. Материю крутило и полоскало, как в адовой воронке.

Щербатский с восторгом подумал в этот момент о евнухе Кизляре и поторопился вернуться к сёстрам-черкешенкам.

Как только Вольфу удалось добраться до женщин, на верхней палубе появился сам Омир-паша, в сопровождении начальника стражи и ещё двух евнухов – верзил.

– Ольдюр ону⁶! – указав перстом на Вольфа, что было мочи выкрикнул свой приказ паша.

Видимо, терпение паши всё-таки имело свои пределы и границы. Щербатский был уверен, что кровожадный паша не зря каждый раз оставляет ему, Щербатскому, жизнь. И дело было далеко не в желаниях и увлечениях Сетеней. При других обстоятельствах паша за одно это мог снести Щербатскому голову, но что-то его останавливало. «Что же?..».

Вольфу это было уже не дано узнать, так как именно в этот момент он решил покинуть проклятое судно.

⁶ Убить его! (турецкий).

Схватив за руку Сетеней, Щербатский потянул её к левому борту, где маячил красный знак о том, что Кизляр сдержал слово и лодка на воде.

Дождь поливал, обрушиваясь сплошным водопадом, вода наступала со всех сторон. Переждав очередной накат волн, Щербатский ринулся к спасительному левому борту, увлекая Сетеней за собой. Им удалось проскочить меж неуклюжих евнухов Омира, но начальник стражи успел поймать Селиму. Изо всех сил девушка ударила его по ноге, чуть ниже колена, и, взыв от боли, он был вынужден выпустить её, но путь к сестре ей был отрезан двумя подоспевшими громилами. Очередной накат волны приостановил охоту на девушку, и все, вцепившись в канаты или обхватив мачту, пережидали морскую вспышку гнева.

Как только водная стихия, отхлынув на какое-то время, вновь утихла, евнухи организовали, кольцо вокруг Селимы, оттесняя её к корме, подальше от сестры.

– Селима! – крикнула Сетеней, пытаясь вырваться из удерживающих её рук Щербатского.

– Не упустите девчонку! – кричал Омир-паша. – Сетеней никуда не денется без своей маленькой сестрёнки. Так ведь, моя красавица?! – обратился он к своей любимой наложнице.

Бедная Селима, как мокрый загнанный зверёк, озираясь по сторонам, всё отступала и отступала, пока не почувствовала спиной преграду. Оказавшись в безвыходном положе-

нии, девушка взобралась на корму и, послав сестре любящий взгляд, быстро прошептала:

– Я верю в Хабзэ от Тха. И я верю в свой Путь Хабзэ от Тха. Я верю в пути, указанные Тха в его посланиях. И я хочу жить в соответствии с Хабзэ, дабы вечно пребывать в Храме.

Сказав это, Селима кинулась за борт.

– Се-ли-ма-а-а!!! Нет! – обезумев от горя, закричала Сетней.

Грубо и громко выругавшись, Щербатский за четыре шага преодолел расстояние до кормы, не позволив прийти в себя ошарашенным евнохам, ловко вскочив на корму, он прыгнул вслед за девушкой.

Но её чёрная головка более не появлялась над штормовыми пенистыми волнами.

И стала она как спящая красавица среди моря.

Глава 2

Поместье Ольденбургское – одна из провинций Российской империи.

Март, 1859 год.

Всю ночь Кити не сомкнула глаз, и вот теперь, встречая рассвет, она сидела в своей огромной постели в ворохе раскиданных подушек и скомканных простыней. Её обычно блестящие локоны цвета солнца сейчас напоминали взъерошенную копну сена. Но все эти обстоятельства беспокойной ночи не лишали княжну её бесподобной красоты и очарования. Лёгкая нервозность заставляла по-особому блестеть её глаза, и осунувшиеся щёки всё равно имели прелесть нежно-розового лепестка только-только распутившейся розы. В лице девушки угадывалась напряжённость, она не мигая, глядя строго перед собой, вновь и вновь пыталась воссоздать вчерашнее происшествие. Эту встречу, поразившую её, разговоры, приведшие её в оцепенение, взгляд, и эту одну единственную улыбку, изумившую её, всего одну, направленную в её сторону. И более ничего!

Она ждала его долгих пять лет!!! И он, наконец, вернулся. Кити готова была лишиться чувств от радости, но сдержанность Щербатского во время вчерашней встречи, холод-

ность его тона ошеломили её. Кити не могла в это поверить! Общаясь с отцом и Мари, он только бегло окинул её взглядом, мило ей улыбнулся в знак приветствия и невозмутимо продолжил разговор с отцом, более не замечая и не обращая внимания на несчастную Кити.

Сначала она пыталась успокоить себя, размышляя о том, что была готова к подобному равнодушию Щербатского при их встрече, так как мысленно винила себя за неразумное поведение и жестокость суждений. И, конечно, ей следовало принести ему извинения за тот давний инцидент, произошедший между ними пять лет назад.

Только теперь Кити в полной мере стала осознавать, какую непоправимую, разрушительную обиду по неопытности и детской заносчивости так резко и грубо нанесла она лучшим чувствам Щербатского.

Девушка тайно хранила надежду на то, что как только ей удастся с ним остаться наедине, она сможет принести ему свои извинения, поговорить, рассказать ему о своих страданиях и повиниться за тот глупый поступок, который при воспоминании разжигал в ней огонь стыда. Стыда за то, что она посмела оскорбить его как музыканта, что она с таким сарказмом отнеслась к его признаниям и предложению руки и сердца.

Вот и теперь ей отчаянно желалось, чтобы он непременно простил её. И ей мерещился его взор, вновь полный любви и обожания.

Всё это происходило с ней до нынешней встречи, во время которой он рассказывал о своём побеге, спасении и упомянул имя черкесской женщины. В тот момент, когда Кити услышала о Сетеней, ей показалось, что небольшая гримёрная, где Щербатский принимал её семью, закружилась с бешеной скоростью. Кити стоило непостижимых усилий также ровно сидеть на софе и маленькими глотками продолжать пить турецкий чай.

Говоря о ней, голос Щербатского наполнял сочетание нежности и теплоты и мужской потаённой чувственности. И это не позволило Кити оставить ни малейших сомнений, что сердцем «Титулованного соловья» отныне владела другая. Во всём девушка видела подтверждение того, что он неизменно тоскует по своей черкешенке, и, как показалось Кити, при первой возможности собирается возвратиться в Турцию.

Невероятный рассказ Щербатского о побеге привёл всех в изумление.

– Вам несказанно повезло, – в задумчивости произнесла Мари.

– Я кинулся за сестрой Сетеней в самый шторм, в итоге очнулся привязанным к лодке посередине совершенно спокойного и безмятежного моря...

– Столь же чудесно, сколь невероятно, – в изумлении покачивая головой, подтвердила Мари.

– А что эта черкешенка?.. – любопытно спросил Влад, но,

заметив гневный взгляд супруги, продолжил, пытаясь реабилитироваться:

– Ему всегда везло с женщинами, а тут уж...

Мари поднялась со своего места и повернулась к Кити, давая понять супругу, что при его дочери данный разговор неуместен.

– Уверен, моя дорогая, это же очень интересно. Да и Кити достаточно взрослая, чтобы не обходить стороной подобные разговоры и темы. Вольф, – обратился князь к Щербатскому, – ты заметил, как выросла моя дочь? Она считается в свете первой красавицей!

Только в этот момент беглый и встревоженный взгляд Кити встретился со спокойным взглядом льдисто-голубых озёр глаз Щербатского.

Сердце девушки на мгновение остановилось, и она внутренне содрогнулась.... На Кити смотрел совершенно незнакомый человек, который не имел ничего общего с тем мягким, обаятельным мужчиной, который признавался Кити в любви пять лет назад в парке Ольденбургского поместья. Некоторое время девушка продолжала внимательно и пристально смотреть в холодно-серебристые глаза незнакомца, пытаясь отыскать прежнее тепло и хоть малейший признак доброжелательности, понять, что же с ним произошло и о чём он думает, что чувствует. Но лицо мужчины оставалось непроницаемым и спокойным. Он, казалось, холодом заполнял всю комнату, и в его внешности Кити почудилось что-

то мрачное и даже угрожающее. Он стал тёмным. Он стал чужим! Его кожа была смуглой и отливала бронзой. Кити ненароком сравнила подобный оттенок с цветом гречишного мёда; и от этого светло-голубые глаза Вольфа казались ещё светлее; они вежливо взирали на Кити с резко очерченного смуглого лица с высокими скулами, без малейшего интереса или какой-либо увлечённости.

В этот животрепещущий момент Кити совершенно некстати заметила, что на Щербатском была надета лишь тонкая льняная рубашка, небрежно заправленная в бриджи. На нём не было ни жилета, ни сюртука, ни галстука, даже рубашка его не застёгнута, как следует, а свободно открывает любопытному взору Кити кожу цвета солнца и мёда.

Борясь с собственной бестактностью, а точнее, поражённая гаммой чувств, в один момент обрушившихся на неё, она не могла отвести взгляда от фигуры мужчины. Впервые Кити охватило то волнение, которое можно определить словом более точным и страстным, это было желание. Так долго томилось оно в глубине её души и в один миг, как пленник, вырвалось на свободу и заставило трепетать девушку. Удивлённая, а скорее поражённая этим чувством, Кити покраснела, испытывая крайнюю неловкость. Но тем не менее продолжила с нескрываемым любопытством разглядывать мужчину. Пытаясь взять себя в руки, девушка попыталась что-то произнести, демонстрируя хороший тон и лёгкость в светской беседе:

– Чудесно, что вы возвратились. Мы скучали по вам... Вернее, вам нас не хватало... Точнее, вас нам... Отцу! Не хватало Вас отцу. Очень, – сбивчиво и невразумительно начала разговор Кити, краснея и полыхая от нахлынувших чувств и, конечно, неловкости.

Щербатский промолчал, пристально глядя на девушку. Он лишь удивлённо вскинул свои светлые, изысканной формы брови.

«Видимо, он нашёл моё приветствие крайне глупым», – подумала Кити и ещё больше расстроилась и опустила глаза.

– Я несказанно рад вновь видеть тебя, дорогая Кити. И хоть ты превратилась в прелестную взрослую особу, для меня ты всегда будешь оставаться очаровательной малышкой Кити. И пусть даже мне теперь следует обращаться к тебе на «Вы», моя дорогая.

Сказав это, Щербатский послал в сторону Кити по-отечески добрую, бесхитростную улыбку, после чего продолжил свой разговор с князем, более не обращая на неё никакого внимания.

Внутреннему возмущению Кити не было предела. «Да как он смел?!!» Она бы с удовольствием высказала бы ему всё, что думает по этому поводу, если бы они были одни. Что за спектакль он тут устроил?! И это снисходительное: «малышка»!!!

Изо всех сил Кити боролась с собой и со своим возмущением.

«Только бы удержаться и не наговорить ему ещё больших глупостей! Да ещё и в присутствии отца и Мари», – уговаривала себя Кити.

Окружающие да и сама Кити давно уже воспринимали её как взрослую, уравновешенную особу. Как же ему одной лишь фразой удалось перечеркнуть весь её здравый смысл и заставить буквально кипеть от гнева.

С этого мгновения до слуха Кити доносились лишь обрывки разговора и всплески радостного смеха добрых друзей, давно не видевших друг друга. Всё в Кити, казалось, замерло или застыло в ледящем душу холоде, что был подобен ярким глазам Вольфа Щербатского. Его почтительно-небрежный тон, с которым он обронил фразу, которой подчёркнуто назвал Кити «малышкой», и единственная полуулыбка, последовавшая за тщательно скрытым оскорблением, не давали девушке покоя. В сердце её поселились страсть, желание быть любимой, и ведь она любила, и так было мучительно сознавать безответность своего чувства.

И вот теперь Кити не могла всю ночь сомкнуть глаз, и беспокойные мысли на этот счёт гнали сновидения прочь.

Кити снедали противоречия, сомнения; всю ночь она строила догадки о природе непонятного для неё поведения Щербатского. «Действительно ли он хотел сознательно уколоть её и, выказав пренебрежение к переменам в её внешности, пытался тем самым обидеть и отомстить, – размышляла в ночи Кити, – а может, и в самом деле ужасы войны пока-

зали ему истинную любовь, которую он нашёл в лице своей ненаглядной Сетеней?!». Обессиленная, доведённая до изнеможения, Кити, уткнувшись в подушку, отчаянно разрыдалась, и только когда забрезжил рассвет, пришла к выводу, что не стоит впадать в меланхолию. В любом случае она примет вызов судьбы и постарается понять этого «нового, жёсткого незнакомца и заставит его вспомнить, каким он был прежде, она отвоюет его сердце у пусть и прекрасной, но далёкой черкешенки.

Улыбаясь нежному рассвету, Кити уже сладко засыпала. Но прежде чем забыться сном, девушка дала себе твёрдое обещание, что более никто в свете не назовёт её «красавицей с оттенком тайной грусти в глазах». Она была влюблена, её сердце было наполнено желанием видеть его, слушать его, быть с ним... Она будет всегда улыбчива, добра и игрива. «Охотница на Соловья», – улыбнулась своему новому амплу Кити.

– Я не слепая, Влад, и всё прекрасно заметила, – отчаянно доказывала супругу свою правоту княгиня Ольденбургская.

Мари была единственной, кто почувствовал молнии напряжения и бешеной энергии, летавшие меж её падчерицей Кити и князем Щербатским. Только такие слепцы, как умиротворённые семейной жизнью мужа, могли ничего не заметить и оставаться абсолютно спокойными и безмятежными в подобной ситуации.

Вот и сейчас Влад невозмутимо намазывал на горячую булку растекающееся сливочное масло, и это действие занимало его гораздо больше, чем доводы и тревоги его супруги. В отличие от мужа, Мари не могла проглотить ни кусочка в это утро. Пребывая в беспокойном состоянии, она, то и дело поглядывая на часы, уже в третий раз спрашивала управляющего Тимофея, не проснулась ли княжна.

– Любовь моя, тебе нужно успокоиться, – глотнув обжигающего чая, высказался князь.

Мари с непониманием достаточно долго смотрела на мужа, затем протяжно вздохнула и попыталась объяснить ему ещё раз всё сначала:

– Мой дорогой, наверное, до тебя не доходит смысл моих речей в подобной форме, – спокойно начала Мари, – что ж, попробую объяснить по-иному.... Когда ты найдёшь бездыханное тело своей юной дочери в пруду на территории нашего прекрасного парка, будет уже несколько поздно выяснять обстоятельства, толкнувшие молодую особу на подобное. Предлагаю тебе сейчас обратить своё внимание на несчастную любовь своей дочери и попытаться помочь ей с этим справиться, пока, начитавшись Шекспира, она не натворила беды, так как, увы, это сейчас стало на удивление модным.

Только теперь, переключив своё внимание с омлета на жену, князь, громко проглотив кусок, с притворным, театральным ужасом взглянул на Мари.

– Мне кажется, ты утрируешь. Подобного я за тобой прежде не замечал... – деланно серьёзно произнёс князь.

– Тебя заботят и дочь, и я? Поразительно! – теряя терпение, воскликнула Мари.

– Меня заботят всё и вся...

– Что-то не очень-то это заметно! – настаивала в своих обвинениях Мари.

– Я тебе сейчас докажу... – поднявшись со своего места, Влад двинулся в сторону, где сидела Мари.

– Нет! – только и успела взвизгнуть женщина, прежде чем оказаться в крепких и нежных объятиях супруга.

Обняв Влада в ответ, Мари горько и неожиданно залилась слезами, как какая-нибудь кисейная барышня. Взглянув на мужа сквозь пелену слёз, она прошептала:

– Я люблю тебя.

– А вот теперь я действительно начинаю волноваться! Что с тобой, любимая? Ты не заболела?

Ответ пришёл к ним обоим одновременно. Расплывшись в счастливой улыбке, Влад спросил без какого-либо стеснения:

– Женские дни паники и отчаяния были?!

Ударив супруга в грудь, Мари всхлипнула, отрицательно помотав головой.

– Вот так новость! Прекрасное начало дня!!! – прогремел голос князя на весь обеденный зал.

Влад опустился на одно колено подле Мари и, бережно

взяв её руки в свои ладони, поочерёдно поднёс их к своим губам.

– Эта новость очень обрадует Кити. Вижу, тебе не терпится её увидеть.

Мари вновь покачала головой, но на этот раз утвердительно.

– Ну, пойди, скажи ей.

Мари, сладко поцеловав князя, поспешно поднялась и как на крыльях вылетела из обеденного зала, чуть не сбив с ног управляющего Тимофея, который бережно и высоко нёс серебряный поднос, уставленный посудой из фарфора.

Изрядно проявив виртуозность после неожиданной встречи с Мари, управляющий всё же сохранил равновесие, при этом избежав столкновения с княгиней.

– Извини, Тимофей, – услышал он удаляющийся голос её светлости.

– Ничего, ничего, – уже сам себе промолвил управляющий, продолжив свой путь.

Степенно добравшись до обеденного стола с присущим самообладанием и расставив кофейный сервиз в соответствии с требованиями этикета, Тимофей протянул князю плотный конверт и, замерев в лёгком поклоне, учтиво осведомился:

– Ваша светлость желает прочесть письмо сию же минуту или прикажите оставить послание в кабинете?

– Я прочту сейчас, Тимофей, – сказал князь, взяв из рук

управляющего конверт.

– Как изволите... Не смею мешать, – произнёс управляющий, поспешив удалиться.

Влад вскрыл конверт тем же ножом, которым пару минут назад намазывал на булку масло. Немного испачкавшись, мужчина тихо чертыхнулся, развернув плотные листы.

Князь ни на минуту не сомневался, что письмо было от его друга Щербатского. Вчерашним вечером в театре Мари, может, что-то и заметила, встревожившее её, но она не подметила главного: Щербатский угодил в какую-то неприятную историю. «Сердечные дела могли и подождать, когда дело касалось жизни и смерти», – полагал Влад. В ходе непринуждённого вчерашнего разговора, где все восторженно говорили о счастье видеть вновь друг друга, Щербатский недвусмысленно дал понять Владу, что дела его обстоят не лучшим образом и за ними в данный момент наблюдают. Также князь понял, что, находясь сейчас рядом с Вольфом, он и его семья слишком рискуют. Щербатский всеми возможными ему способами пытался показать, будто они не друзья, а лишь давние знакомые, а Кити и Мари он и вовсе с трудом припоминает. Влад так и остался в неведении, для кого и для чего этот маскарад устраивает друг, но что это достаточно серьёзная и опасная ситуация для всех, в этом не было сомнения, он успел убедиться в этом после краткого разговора с другом ещё в театре.

После того как Соловей спел и ушёл со сцены, Влад тут же,

покинув свою ложу, поспешил за кулисы. Он успел перехватить Щербатского до того, как тот, исполнив давно известный Владу трюк, исчезнет на тёмных улицах города. Ольденбургскому и самому не раз приходилось участвовать в этом незамысловатом трюке, чтобы выручить друга. Влад, сбивая со следа настойчивых почитателей, а точнее, почитательниц таланта певца, переодевался в костюм Соловья, затем молниеносно терялся в гримёрных комнатах оперной дивы Лили Керн, не покидая их до самого утра. А тем временем второй, настоящий Соловей, запрыгнув в наёмный экипаж, скрывался в ночи. А поклонницы кумира, поджидавшие у двери гримёрной Лили, были чрезвычайно озадачены данным обстоятельством.

Влад серьёзным взглядом пробежался по аккуратным строчкам послания.

На листе были написаны стихи, а точнее, сонеты Шекспира, и это подтвердило его догадки.

Поспешно покинув обеденный зал, князь направился в свой кабинет, рассчитывая отыскать там томик с сонетами английского поэта.

Прежде чем подняться к Кити в спальню, Мари решила заглянуть на кухню и распорядиться о подаче завтрака в комнату молодой княжны.

Там царила привычная хлопотливая обстановка, поддерживаемая главной кухаркой Неёлой Ануфриевной, рядом с

этой уютной женщиной Мари почувствовала себя более спокойной и защищённой.

– Княгинюшка пожаловала, – добродушно поприветствовала женщина Мари, – проходите, ваша светлость, проходите, у меня вот только-только яблочный пирог поспел.

И, как в подтверждение своих слов, кухарка вынула из печи румяный жаркий пирог. Аромат печёных яблок манящим и дивным запахом в ту же минуту наполнил кухню.

Мари, мечтательно прикрыв глаза, втянула этот воздух, напитанный детством и безмятежностью.

– Пахнет пирог очень аппетитно, Неёла Ануфриевна. Я, пожалуй, прихвачу кусочек и для Кити.

– Вот и чудесно, – закудаhtала кухарка, – вот и прелесть, как хорошо... Я мигом накрою завтрак для моей деточки. Настасья, – крикнула Неёла, распахнув двери, ведущие на задний двор, – голубка моя, лети сюда...

В кухне тут же появилась служанка, оттирая мокрые руки о передник.

– Матушка, я там бельё приготовила, на речку... Ох, ваша светлость, – всплеснула руками Настасья, заметив на кухне и княгиню, – доброго Вам дня!

– Здравствуй, Настасья, – улыбнулась девушке Мари, – как поживает Владомир -маленький?

– Спасибо, ваша светлость, всё слава богу, – расплывшись в ответной улыбке, ответила служанка.

– Этот сорванец разогнал сегодня утром всех кур из ку-

рятника, – подхватила рассказ о внуке Неёла, – мы все с ног сбились, собирая их в курятник обратно.

– Но он помогал, – поспешила вступить за сына Настасья.

– Настён, подсоби-ка мне княжне завтрак накрыть, – попросила невестку кухарка.

Настасья тут же кинулась сервировать небольшой поднос.

– Я быстро, я сей момент и принесу, – произнесла Настасья.

– О, не стоит. Я как раз собиралась к ней и сама отнесу.

Настасья и Неёла Ануфриевна лишь на краткий миг замерли, но после тут же продолжили каждая своё занятие.

Только когда всё было готово, кухарка, вручая поднос Марии, позволила себе тихонько поинтересоваться:

– Что же с нашей деткой, ваша светлость? Здорова ли птичка наша?

– Не беспокойся, Неёла, прошу тебя! Всё в порядке с твоей ненаглядной. Я просто решила её побаловать, к тому же мы вчера слишком поздно вернулись, и Кити, должно быть, уснула не сразу.

– Ну, слава богу, – осенив себя трижды крестом, пробормотала кухарка, – ну, ежели чего, вы мне сразу дайте знать...

– Конечно, ты не беспокойся, Неёла. Всё хорошо...

Не сделав и шага к выходу из кухни, Мария, охнув, выронила из рук поднос и могла бы упасть сама, если бы её вовремя не поддержали заботливые руки кухарки.

– Батюшки, – взмолилась Неёла, подводя Мари и усаживая на деревянную скамью у стола, – что с вами, матушка?! Подурнело? Вся позеленела вон..., – продолжала охать женщина.

С другой стороны подоспела и Настасья, поднося Мари кружку воды.

– Пейте, ваша светлость, пейте, – настаивала молодая служанка.

Мари не могла понять, как же в один миг она потеряла сознание, она не могла какое-то время понять, где она, что с ней?

– Всё хорошо, – попыталась успокоить она перепуганных женщин, – я просто оступилась и...

Пристальный и сощуренный взгляд Неёлы заставил Мари прервать свою речь. Она тут же залилась краской, так как давно потеряла способность к хорошо скрываемой лжи.

– Я просто, – через глубокий вдох продолжила Мари, – кажется, я... Мы... Ждём ребёнка, – наконец высказалась Мари.

Ей было немного обидно, что супруг без бурных восторгов отреагировал на эту весть. Мари, конечно, предположила, оправдывая его, что Влад не успел как следует осознать эту новость. Но возгласы радости и посыпавшиеся поздравления от женщин компенсировали с лихвой недостающее внимание к событию и к положению Мари.

– Вот это новости у нас!!! Вот так радость! – сжимая руки

у сердца и утирая слёзы счастья, повторяла Неёла.

– Поздравляю, ваша светлость, уверена, ждёте девочку...
– поглаживая руку Мари, радовалась Настасья. – Давайте я с вами поднимусь к княжне и помогу вам.

– Да, конечно. Спасибо вам. Мне уже хорошо... – поспешила окончательно успокоить окружающих Мари.

Неёла Ануфриевна поспешно накрыла второй поднос с завтраком и осталась прибрать беспорядок, а Мари в сопровождении заботливой Настасьи отправилась сообщать радостную новость Кити, тем более что сомнений никаких уже не оставалось.

В спальне Кити царили полумрак и тишина. Аккуратно прикрыв двери за Настасьей, Мари прошла к окнам и, раздвинув тяжёлые портьеры,пустила в комнату весенние лучи дневного солнца.

– Доброе утро, дорогая, – нежно, по-матерински начала Мари, подходя к изголовью кровати.

Кити, хоть и давно не спала, но, сощурившись от яркого света, накрылась одеялом с головой.

– Ну, нет. Так не пойдёт, – продолжила будить Мари подругу и неумолимо чуть потянула край одеяла на себя, – просыпайся, Спящая красавица, а не то не узнаешь мой великий секрет.

Кити, тут же откинув одеяло, села в кровати с видом внимательного слушателя.

– Доброе утро, Кити, – сев на край постели, поприветствовала падчерицу Мари.

– Доброе утро, Мари, – сладко потянувшись, улыбаясь, ответила Кити.

– Как прошла твоя ночь? – поинтересовалась Мари.

– Чудесно, – и глазом не моргнув, солгала, как считала во благо всем, Кити, – я спала как младенец.

– Кстати, о младенцах... – Мари умолкла, выжидающе глядя на подругу, загадочно улыбаясь.

Кити некоторое время непонимающе разглядывала красивое лицо женщины, но когда смысл сказанного, наконец, дошёл до затуманенного разума девушки, она с визгом кинулась к Мари, заключив подругу в крепкие объятия.

– Ты меня задушишь, – смеясь до слёз, простонала Мари.

– Ой, прости! Прости! Я... Я!!! Так рада! Это будет девочка, мальчик?!

– Я не знаю...

– Я знаю! Это будет девочка, потому что одного разбойника нам уже достаточно!

– Алекс не разбойник, Кити, смею тебе напомнить, моя милая, он твой младший брат. Он славный мальчик.

– Это с тобой! А когда он остаётся со мной, то это сущее наказание, – шутливо жаловалась на пятилетнего брата Кити.

– Неправда!

– Правда! Правда, – весело дразнила мачеху Кити.

Соскочив с кровати, она подошла к столику, на котором уже стоял завтрак:

– Ой, что это тут у нас?.. Запах аппетитный, ну просто потрясающий!!!

Кити отломил кусочек от пирога и, отправив его в рот, по-детски облизнула пальцы.

– Кити! – возмутилась Мари, но тут же улыбнулась, покачав головой. – Давай я помогу тебе умыться и одеться, и мы с тобой позавтракаем. Поднявшись к тебе, я ужасно проголодалась.

– А отец уже встал? – спросила Кити, подойдя к столику для умывания в углу спальни.

– Конечно. И уже давно.

– Как его настроение?

– Настроение прекрасное, – помогая подруге с утренним умыванием, многозначительно заметила Мари, – а как твоё?

– Что?

– Отвечать вопросом на вопрос – это либо признак дурного тона, либо нежелание говорить правду. Но правила приличия ты усвоила хорошо, моя маленькая подопечная, так что остаётся второе.

Хорошо, что, помогая девушке застегнуть платье из голубого лёгкого шёлка, прекрасного, как само утро, Мари стояла за спиной Кити и не могла видеть её реакции на произнесённые слова.

– Странно вот что, Мари: видя меня в отличном располо-

жении духа, ты спрашиваешь о моём самочувствии. Либо я плохо выгляжу, либо ты хочешь задать мне совершенно другой вопрос.

И Кити повернулась к Мари с победной улыбкой ученика, который только что превзошёл своего учителя.

– Ты, как и всегда, чертовски хороша, Кити.

– М-а-р-и-и-и...

И две женщины, от души насмеявшись, присели за маленьким обеденным столом, залитым лучами приветливого солнца.

– Кити, – осторожно начала Мари, – как тебе вчерашняя встреча? Ты ни слова вчера не обронила по этому поводу, но я-то знаю и понимаю, чего тебе это стоило.

Прекратив жевать, положив остатки пирога на тарелку, Кити отодвинула её и почти враждебно взглянула на подружку.

– Мари, мне бы не хотелось говорить на эту тему.

– Как пожелаешь. Но знай, я всегда готова тебя выслушать и помочь.

– Я это знаю.

– И, на мой взгляд, легче и интересней придумывать и строить планы вдвоём, нежели изводить себя по ночам чудовищными мыслями, непониманием, в полном одиночестве.

Кити с любопытством взглянула на Мари, которая невозмутимо продолжила пить свой кофе как ни в чём не бывало.

– Ну, хорошо, – наконец призналась Кити, – я вчера...

Перенервничала.

– Перенервничала? – уточнила Мари. – Только и всего?

– Да, всего-то.... Ну, конечно же, я сильно перенервничала... Мари!!! Я абсолютно не поняла его поведения! Я, конечно, заслужила эту холодную вежливость с его стороны, но тем не менее это было слишком жестоко.

– Я с тобой не могу не согласиться, дорогая.

– Только и мечтала, что об этой встрече. Думала, что скажу ему и что он скажет... А разговора-то толком и не вышло. Я... Я так разочарована и обижена до глубины души.

– И, конечно же, не сомкнула глаз всю ночь? – подытожила Мари.

– Конечно! – подтвердила Кити. – Как он может быть таким бесчувственным и суровым, если любил меня так, как говорил когда-то. Выходит, тогда, пять лет назад, это всё было ложью и притворством?

– Я не могу ответить на твой вопрос, дорогая, но я могу тебе сказать абсолютно точно, что ты ошибаешься, обвиняя Щербатского в равнодушии. Он далеко не равнодушен к тебе, и вчера это было понятно всем. Ну, разумеется, кроме твоего отца.

– За что ты сердишься на отца, Мари?

– Я не сержусь, – тут же ответила княгиня.

– Ты всегда, когда сердишься на него, говоришь, что ему нет дела до нас с тобой, – с мягкой улыбкой заметила Кити.

– Понимаешь, дорогая, мне стало мало его внимания. Уж

не знаю почему, но наша жизнь поменялась, и это нормально и даже хорошо, но мне так не хватает его прежней вспыльчивости, я бы сказала, безумства страсти, буйства чувств. Понимаешь? Он успокоился, вот! Вот причина моего недовольства, тем более теперь, когда моё нынешнее положение заставляет меня воспринимать всё гораздо острее и ярче.

– И что же ты думаешь с этим делать?

– Я не знаю, буду любоваться на тебя, верить в твоё счастье и чувствовать себя причастной к твоей только начинающейся истории любви.

– Ты считаешь это началом романа? – спросила, смутившись, но в то же время с надеждой в голосе Кити.

– Безусловно, моя дорогая, это начало красивой и страстной истории любви. Но ты должна быть сильной и смелой, ибо будет совсем не просто добиться подобной любви. Сколько будет пролито слёз по этому поводу... И слёз счастья, и слёз отчаяния. Ты должна набраться терпения и поступать умно и хитро. Ты должна быть мудрой на пути к своей любви, прелестная Кити, и у тебя всё получится.

– Спасибо, Мари, – прошептала девушка, наконец, сумев дать волю слезам.

Кити сразу же стало легче, будто тяжёлый, огромный драгоценный камень несчастья покинул её душу, распавшись на бриллиантовую россыпь слёз.

– Кити, – спохватилась неожиданно Мари, – мы с тобой совершенно позабыли о сегодняшнем вечере!!!

– А что сегодня?.. – настороженно поинтересовалась девушка, а затем наморщила лоб, как бы пытаясь вспомнить что-то очень важное.

– Анна!.. – подсказала Мари.

– О, Мари!!! Анна!!! – вспомнив, с ужасом воскликнула Кити.

Князь без труда расшифровал письмо давнего друга. В письме Вольф предупреждал его о нависшей над ним беде и просил держаться от него подальше, дабы не причинить вреда самому себе и своей семье. В особенности, как понимал Влад, Щербатский беспокоился о Кити. В послании он просил Влада не раскрывать никому его тайны и причин своего недружелюбного, отстранённого обращения с ней. Приятель уверял Влада, что и поныне считает его самым близким и добрым товарищем и если ему, Щербатскому, удастся выпутаться из этой ситуации и остаться в живых, он сам объявится в Ольденбургском поместье. До этого момента он настоятельно просил не искать с ним встреч.

Влад, не отрывая задумчивого взгляда от тающего в огне письма, размышлял о причине такой тщательной скрытности товарища. Кто угрожал ему и почему? Жизнь друга была в опасности, и это не давало князю покоя.

Честно признаться, жизнь князя, протекая в семейном кругу, стала казаться ему немного обыденно-пресноватой. Конечно же, он был счастлив и безумно любил свою супругу

и детей, но когда Влад сегодня держал в руках зашифрованное послание друга, ему хватило смелости признаться себе, что это его встряхнуло, взбудрило и забытое чувство опасности и тайны вскружило слегка голову. Даже бешеная скачка с препятствиями не подавала в вены Влада такого количество адреналина, как это зашифрованное письмо.

Князь принял решение не оставаться в стороне, а, разобравшись в ситуации, помочь другу, ну и заодно «вспомнить» те времена, когда опасность шла за ним по пятам.

Влад, удобно расположившись за массивным письменным столом, быстро набросал ответ другу из простых хорошо зашифрованных предложений.

Этим вечером баронесса Лихонина давала бал-маскарад в честь помолвки своей единственной дочери Анны. Сын баронессы Пьер до последнего времени служил у князя секретарём, но выгодная партия сестры поправила финансовое положение в семье Лихониных, и Пьер оставил место секретаря в Ольденбургском. Теперь он помогал вести дела маркиза Дрё-Брезе Анри, жениха Анны. Тот значился единственным наследником маркиза-француза, а мать Анри была из представительниц старинной русской знати. Оба родителя достаточно давно трагически покинули бренный мир, это был несчастный случай по дороге из Парижа в Петербург. Баронесса Лихонина, будучи доброй подругой матери Дрё-Брезе, взяла осиротевшего, но богатого француза под своё заботливое крыло, в результате чего лучшей невесты, чем её

дочь Анна, для француза не нашлось.

Ещё будучи девчонками в пышных коротеньких платьицах, Кити и Анна были неразлучными подругами. И, конечно же, чете Ольденбургских следовало непременно быть на сегодняшнем бал-маскараде.

Влад объяснил в своём коротком послании другу, что маскарад – самое подходящее место для их встречи. Тем более что добрая половина присутствующих персон мужского пола обещала быть непременно в маскарадных костюмах никого иного, как «Титулованного Соловья».

Некоторые особы с поразительной лёгкостью соглашались и на очевидную подмену этого загадочного мужчины, лишь бы партнёр по танцам был в маске «Соловья». Им было абсолютно не важно: тридцать кавалеру или шестьдесят, статен ли он и лёгок в танце, или года, увы, уже сковывают его движения, а артрит многого уже не позволяет. Все хотели танцевать с загадочным и неприступным героем, каждая грезила о нём. Тем более теперь, когда он неожиданно вернулся.

Князь, скрепив письмо печатью, позвонил в серебряный колокольчик, вызывая к себе управляющего. В то же мгновение в дверь кабинета постучали.

– Да, да, – отозвался князь, пряча конверт в ящик стола, не успев указать на нём адресата.

В кабинет вошла Кити, а за ней и супруга князя.

– Доброе утро, рара⁷, – поприветствовала отца Кити, по-

⁷ Папа (франц.).

дойдя и поцеловав его в щёку.

– Скорее, добрый день, ma chérie⁸, – шутливо заметил князь.

– Зато Кити уж точно не будет дремать на балу сегодня, – заметила Мари, – в каком костюме ты сегодня будешь, дорогой?

– Думаю, не стоит выделяться из толпы, буду как все и надену чёрную маску и плащ, – глядя на жену с мягкой озорной улыбкой промолвил князь.

Мари ответила князю немым укором, мельком указав своим взглядом на Кити. Влад, правильно растолковав намёк жены, поспешил обратиться к дочери:

– Моя дорогая, а какой наряд выбрала ты?

Услышав столь неуместный вопрос супруга, Мари в наигранном отчаянии закатила глаза.

Кити посчастливилось не ответить на вопрос отца, так как в кабинет постучали.

– Вызывали, ваша светлость? – задержавшись в дверях, поинтересовался управляющий Тимофей.

– Да, Тимофей, проходи.

Князь быстро достал из ящика письмо для Щербатского, которое давеча при появлении дам поспешно спрятал в стол, и, протянув его управляющему, добавил:

– Сию же минуту доставить, – распорядился князь.

Приняв из рук его светлости послание, управляющий на-

⁸ Моя дорогая (франц.).

правился к выходу, но у самых дверей остановился.

– Прошу прощения, ваша светлость, но на письме не указаны ни получатель, ни адрес доставки послания.

Все присутствующие в кабинете вопросительно посмотрели на князя.

– Ах, да... – растерялся Влад.

Озвучить присутствующим в кабинете дамам адрес и получателя письма было для Влада сравнимо с прыжком в пропасть и сулило множество проблем и ненужных разговоров.

Влад, недолго думая, жестом попросил управляющего вернуться, прибавив:

– Давай-ка я допишу.

Быстро князь, указав адрес и получателя, вернул письмо управляющему, и тот уж было отправился выполнять поручение, но, сделав пару шагов от стола, решил для точности проговорить написанное князем вслух:

– Имперский театр. Для Лилиан Керн. Сию же минуту отправлю в Имперский театр конюха. Хорошего дня.

И, поклонившись в полной тишине, Тимофей покинул кабинет князя.

Ситуация была поистине удручающей.

Мари молча глядела в окно, всем своим видом демонстрируя, что произошедшее ничуть её не касается. Кити, напротив, округлившимися от ужаса глазами смотрела прямо на отца. Никто не смел вымолвить ни слова. И даже сам князь понимал, что оправданием ему может послужить толь-

ко правда, которой он не мог раскрыть.

«Ну, что же, – думал князь, – пусть так!».

Рано или поздно правда откроется, и тогда он будет помилован, а пока придётся молчать и терпеть. Прошло уже достаточно много томительных минут, но никто не решался начать разговор. Князю было нестерпимо сложно и больно видеть, как страдает его любимая супруга. Казалось, её прекрасные глаза в одно мгновение покинула жизнь и Мари стала такой маленькой и такой беззащитной. Владу до безумия хотелось развеять ложные догадки жены и, заключив её в свои объятия, успокоить, но, учитывая обстоятельства, он не мог себе этого позволить. Его собственная дочь глядела на него как на предателя и вероломного обманщика. Вынести это было нелегко, но Влад по-иному поступить не имел ни возможности, ни права.

Поднявшись с места, князь совершил то, за что, как он предполагал, будет корить себя всю свою оставшуюся жизнь.

– У меня сейчас много дел, да и вас, как я предполагаю, ждут приготовления... Много хлопот в связи с предстоящим выездом. Увидимся вечером.

Сказав это, Влад вышел из-за стола и покинул свой кабинет, оставив женщин в полнейшем недоумении и непонимании.

– Что это было, Мари? – медленно произнесла Кити, после того как дверь за отцом захлопнулась.

– Так бывает, Кити, – ответила ей Мари, не отрывая рас-

терянного взгляда от пейзажа за окном.

Мари боялась посмотреть на Кити и увидеть в её взгляде жалость. Она бы этого не вынесла.

– Как бывает? – отозвалась Кити.

– Бывает, что мужчина, пресытившись и устав от семейной жизни, находит себе увлечение и развлечения на стороне.

– Не понимаю... Ты хочешь сказать, что отец тебя разлюбил?

Кити казалось это столь смешным и невозможным, что она даже заулыбалась, как если бы услышала какую-либо нелепость или глупость.

– Нет, дорогая, что ты!.. – наконец повернувшись к Кити лицом, ответила Мари, и предательски по щекам её заблестели ручейки слёз. – Твой отец меня любит, и я уверена, он сейчас очень переживает, что мы стали свидетельницами его тайны. Всё это время он оберегал нас и старался держать нас в неведении...

– Ты что такое говоришь, Мари, – прервала подругу Кити, – ты что?!

– Я не знаю, Кити... Не знаю... Мне нужно подняться к себе и... Отдохнуть.

– Я тебя провожу, – встревожившись, поднялась с места Кити.

– Не стоит, дорогая. Я в порядке... Мне просто нужно побыть одной.

Уже у самого выхода Мари обернулась и прибавила:

– Не вини своего отца и ни в чём не суди его. Ты ещё слишком молода и восторженна, чтобы это понять, но уверяю тебя, Кити, это нормально. До вечера... – прошептала Мари и вышла.

– До вечера... – в задумчивости тихо повторила Кити.

Её понимание идеального счастья, идеальной семьи только что рухнуло, как картонный домик. Это было больно, непонятно, обидно и... Кити не могла понять, почему это разбивало ей сердце. Мари заверяла, что такое поведение отца было вполне приемлемым и соответствовало принятым нормам семейного уклада, правда, выражение лица мачехи при этом выглядело совершенно неубедительно. И Кити сомневалась, что сама бы смогла принять супружескую неверность и закрыть глаза на подобную обиду. «Да это же просто невыносимо!!! Что же делается с душой в такие моменты?» – думала Кити. Искренне возмущившись подобной несправедливостью, девушка твёрдо решила, что не оставит это так просто. Она уверенно и даже в некоторой степени воинственно направилась вслед за Мари.

Мари не стала подниматься в свою комнату, как сказала Кити, а сразу же направилась в парк, где по её предположению горничная Лизи должна была гулять с её младшим сыном Александром. Молодая женщина просто не смогла бы вынести одиночества в этот момент, но и с Кити ей оставать-

ся было невозможно. Княгиня боялась проявить гнев или отчаяние в присутствии падчерицы. Прежде всего, Кити была её подругой, и Мари испугалась, что, дав волю чувствам, возложит на плечи Кити неподъёмный груз своей беды, чего делать она была не вправе. Уже во дворе женщина дала себе установку, что она должна справиться и смириться, прежде всего, ради своих детей.

Весенний ветер пробирал Мари до костей. Выскочив на улицу как была только в платье, не захватив даже шали, Мари, съёжившись, дрожала всем телом. Но этот промозглый ветер не шёл ни в какое сравнение с вьюгой, что бушевала сейчас в душе княгини.

Увидев вдали Лизи и своего маленького сына, Мари почувствовала облегчение.

– Пусть будет так, – прошептала вслух она и поспешила навстречу Александру, который, заметив мать, уже, улыбаясь, мчался к ней, раскрыв широкие объятия.

– Какой ты большой, мой сын! – воскликнула княгиня, подхватив мальчика и закружив его, приподняв над землёй.

– А ещё я очень быстрый, – серьёзно заявил Александр.

– Быстрый, – подтвердила Мари.

– И сильный.

– Сильный. Ты самый быстрый и самый сильный, мой любимый, – сказала Мари, поцеловав сына в светлую макушку.

На удивление всем, наследник Ольденбургских имел внешность ангела, по ошибке залетевшего в этот грешный

мир. Небесно-голубые глаза мальчика и светлая, точно фарфоровая кожа делали ребёнка совершенно не похожим на его родителей. Только когда Александр стоял рядом с Кити, ни у кого не оставалось сомнений, что это брат и сестра Олденбургские.

– Доброе утро, ваша светлость, – поприветствовала горничная княгиню.

– Здравствуй, Лизи, а где Пьер? – спросила Мари.

– У него начались занятия урока французского.

– Ах, конечно, Мусьё Флобер. Пойду его поприветствую и справлюсь об успехах Пьера, – сказала Мари, совершенно продрогнув от холода.

– Мы ещё немного погуляем. Александру нужно набегаться, и тогда его легче укладывать спать. В нём столько энергии...

– Это точно, – подтвердила Мари, – хорошего дня, моя радость, – сказала она, поцеловав сына в пухлую щёку.

Мальчишка широко улыбнулся матери и побежал по аллее в глубь парка.

Ещё немного постояв и посмотрев ему вслед, Мари, обхватив свои плечи руками, побрела к дому.

Кити искала Мари по всему поместью и даже на кухне. Но, не обнаружив её, решила обратиться за помощью к отцу. Застав его рядом с конюшней, Кити, ничего не объясняя, сразу пошла в атаку:

– Я не могу её нигде отыскать!

– Кого, милая? – с неподдельным непониманием поинтересовался князь.

– Мари. Я не могу найти Мари.

– А для чего ты её так упорно ищешь?

– Хочу поддержать и успокоить, – довольно грубо ответила девушка. И, круто развернувшись на каблуках, пошла обратно к дому, но напоследок прибавила:

– Только вот что, на мой взгляд, ты не должен вести себя с ней таким образом!

Влад чуть улыбнулся:

– А каким образом, на твой взгляд, я должен вести себя со своей супругой?

Насмешливый тон отца только разгневал девушку, и она, оперев руки в бока, продолжила своё наступление:

– Почему ты столь легкомысленно относишься к происходящему?!

– А как иначе? – подивился Влад горячности дочери.

– Как иначе?! Да что с тобой, в самом деле? Последнее время я нахожу Мари постоянно грустной и опечаленной, и я теперь поняла после нашего сегодняшнего разговора, что только ты и никто иной тому виной, отец!

– С чего ты взяла? – ещё более удивился князь. – И чем, по-твоему, я мог огорчить её?

– Это письмо?!

– Письмо? – нахмурился Влад.

– Да, письмо к Лилиан Керн, – выпалила Кити.

– Ах, вот оно что...

– Я никогда не вмешивалась в твою личную жизнь, отец.

Я прекрасно осознаю, что не имею на это никакого права. Но теперь речь идёт не только о тебе, но и обо мне тоже. О нашей семье. Я безгранично люблю и уважаю Мари и не позволю никому её обижать. Даже тебе. Тем более тебе. Она тебя любит, и подобное поведение с твоей стороны просто оскорбительно, неприемлемо! И да, теперь, наконец, последнее! Я хотела тебя поздравить! Твоя жена в скором времени подарит тебе ребёнка. Поздравляю, отец, – сказав это, Кити резко развернулась и зашагала прочь.

Князю только и оставалось, как наблюдать за быстро удаляющейся фигуркой дочери.

Что же он натворил!!! Он вполне мог довериться Мари и не мучить свою любимую жену, тем более в её нынешнем положении. Он совершенно позабыл обо всём на свете, прочитав письмо от Щербатского.

Нужно было отыскать Мари и, рассказав ей всё, успокоить и принести свои извинения.

Влад возблагодарил Бога за то, что у него есть такая мудрая и взрослая дочь, которая не боится сказать ему правду. Он всегда ценил в людях откровенность и прямолинейность. И обнаружив эти качества в своей дочери, был приятно удивлён. Чувство гордости хоть на йоту смогло не облегчить, но потеснить его чувство вины.

Влад махнул рукой, делая знак мальчишке-конюху, чтобы тот не седлал ему коня. Князь твёрдым шагом направился к дому.

Мари открыла глаза и неспешно огляделась вокруг. Она не заметила, как заснула. Видимо, её организм нашёл свой способ борьбы со стрессом. После того как Мари навестила Пьера на уроке французского, она отправилась в свою спальню, решив прилечь. Княгиня даже не понимала, который час и где, почему она здесь находится. А может, произошедшие события – это лишь дурной сон?.. И Влад по-прежнему любит её... И нет никакой другой женщины... И сердце её не разбито. Как было бы хорошо, если бы было так.

Будучи свидетелем бесконечно-несчастливых браков, без любви и уважения, Мари всегда мысленно возносила благодарность Всевышнему за свои отношения с мужем. Всегда чувствуя поддержку и обожание со стороны Влада, женщина считала свой брак редким исключением.

Часто Мари замечала завистливые взгляды женщин и многозначительные улыбки мужчин, после того, как Влад, не в силах сдержать себя, выражал свои чувства и привязанность к жене на людях.

В свете считалось неприличным танцевать с собственной супругой. Влад всегда танцевал с Мари и непременно вальс. Супругам считалось зазорным кокетничать или обмениваться любезностями друг с другом, но Влад никогда не упускал

возможности напомнить Мари, что он рядом и восхищается своей женой. Всякий раз он шептал ей на ушко, что если бы ему предстояло снова выбрать жену на этом балу, он, конечно, бы выбрал её. И что никто с ней не может сравниться. И за обедом князь Ольденбургский всегда занимал место рядом с княгиней Ольденбургской, и никак иначе.

– Проснулась, красавица? – услышала Мари где-то над своей головой голос мужа.

От неожиданности, встрепенувшись, она обернулась на голос Влада и встретилась взглядом с его глубокими, как тёмный омут, глазами.

– Что ты?.. – начала было Мари.

Влад взял руку жены в свою руку и, нежно поцеловав, прервал речь Мари.

– Жду, когда моя любовь проснётся...

Отняв у него свою руку, Мари попыталась встать, но Влад легко её удержал и продолжил:

– Я хотел поговорить с тобой, Мари.

– Я не хочу с тобой разговаривать, – Мари попыталась закончить разговор и вырваться из крепких объятий мужа.

– Какая ты сильная! – посмеялся Влад, наваливаясь на мятежницу всем телом. – Ну, послушай меня, – попросил он уже серьёзно, – я не развеял те необоснованные подозрения, что зародились в твоей очаровательной головке. Прости меня, Мари.

– «Необоснованные подозрения»?! – яростно переспро-

сила женщина. Она ещё больше стала вырываться, выкрикивая самые ужасные слова, на которые могла быть только способна:

– Сейчас же прекрати удерживать меня и не смей убеждать в ошибочном мнении о тебе! Прежде ты никогда не позволял дать повод для малейшего подозрения себя в чём-либо, а уж тем более в такой низости как неверность!

– Я и теперь не позволю.

– Ты пишешь женщине, с которой ты когда-то имел отношения! Она обожает тебя, Влад.

– Я могу всё объяснить, – попытался оправдаться он.

– Объясни, – не мигая, пристально глядя на него снизу вверх, потребовала она.

– Я никого и никогда не любил, кроме тебя, и не полюблю. Измену я считаю худшим поступком, предательством. И тебе это известно. Неужели же ты считаешь меня способным тебя предать. Я не предатель и не обманщик, Мари... И именно потому, что я не предатель, я не могу объяснить тебе, зачем мне понадобилось писать послание Лили... Я люблю тебя, моя ревнивица!

Влад попытался накрыть губы Мари поцелуем. Но она в последний момент отвернула от него своё лицо и прошептала:

– Это не объясняет того, почему ты пишешь к Лилиан.

Тяжело и протяжно вздохнув, Влад перекатился на спину и, заложив обе руки за голову, как ни в чём не бывало изрёк:

– Я люблю тебя. Это всё, что я могу тебе сказать, и всё, что тебе нужно знать. Где твоё доверие, Мари?! Куда подевалось?

И в поддержку своей шутки он склонился с кровати, заглянув под неё.

– Очень смешно, – проворчала Мари, но всё-таки, не выдержав, улыбнулась шутке супруга.

Именно этого Влад и ждал от неё. Эта лёгкая улыбка всегда свидетельствовала князю о том, что жена его простила или, по крайней мере, готова понять, а значит, простить. Не упуская этого победного момента, Влад перекатился обратно на середину кровати, так, чтобы вновь физически ощутить свою драгоценную жену.

Он склонился над ней, крепко обняв, и заглянул в её глаза.

– Вот оно, – тихо промолвил он, – нашёл. Оно в твоих глазах, любимая.

Он медленно склонялся ниже и ниже, пока его губы не прижались к мягким губам Мари. Влад, не отрываясь, держал её до тех пор, пока не почувствовал, что она отвечает на требование его губ и тело её расслабляется и уже легко откликается на его нежность.

На какое-то время тревожные мысли покинули больную голову Кити, но сейчас они вновь стали преследовать её. Оставшись в одиночестве, она опять думала о нём. Трепет и волнение охватили девушку в то же мгновение, как толь-

ко она представила, что увидит Щербатского вновь. Сердце Кити, ускорив ритм, грозило выскочить из груди. Вся ночь была проведена в бессмысленных терзаниях и размышлениях, но, так и не отыскав для себя правильное решение, Кити вдруг отчётливо поняла, что должна делать. Она откроется Щербатскому, принесёт свои извинения и признает свою ошибку. И будь что будет!

Кити, конечно же, предполагала, что князь Щербатский может посмеяться над ней, выставив её глупой, неопытной малышкой... Но пусть попробует. Тогда глупая и неопытная девчонка покажет ему и докажет, что давно выросла.

Только вот в чём была сложность: Кити не знала, как и где она смогла бы застать Щербатского, и, что немаловажно, конечно же, в одиночестве и, конечно же, совершенно случайно!? Больше всего на свете Кити занимала мысль о «новом» Щербатском, о чём этот мужчина думает, когда смотрит ей в глаза, бьётся ли его сердце так же, как и её, когда их взгляды встречаются?..

Кити почувствовала, как её вновь бросило в жар. Приложив холодные ладони к разгорячённым щекам, девушка, сделав глубокий вдох, попыталась унять учатившееся дыхание и упорядочить мысли, которые будоражат её душу и сердце. Ещё этот бал-маскарад, о котором Кити абсолютно позабыла. Она бы с превеликим удовольствием осталась дома. Она не могла не поехать на сегодняшний бал, пообещав своей подруге Анне и Анри во что бы то ни стало присутствовать

на их помолвке.

Кити считала своих друзей прекрасной парой и искренне надеялась, что они будут счастливы, ей этого очень хотелось.

Первое время Анри ухаживал за Кити, и действительно у них было много общего, и они смогли бы составить хорошую партию и быть хорошими друзьями. Но девушка уже знала о том счастье, когда можешь ощущать нечто большее, нежели дружескую симпатию, и иметь общие интересы.

Как Кити показалось, это понял и Анри, открыв для себя страстность и яркую красоту Анны.

Кити была убеждена в том, что существует нечто большее, чем скучные супружеские обеты, и браки влюблённых заключаются на небесах. К тому же постоянным напоминанием об этом Кити служили семейные отношения отца и бывшей компаньонки. Они безгранично любили и уважали друг друга.... Но сегодня.... Сегодня Кити открылась ужасающая, не поддающаяся объяснению правда. И что теперь с этой правдой будет делать Мари?.. Кити не смела и предположить.

«Господи! – мысленно взмолилась девушка. – Должно же быть хоть какое-то объяснение!.. Этого просто не могло быть! Этого не может быть!»

Глава 3

– Я знала, что мы опоздаем, мы всегда из-за тебя опаздываем, – яростным шёпотом бранила Мари супруга, когда они выходили втроём из дома, чтобы сесть в экипаж и отправиться на праздник.

– Мы опаздываем из-за любви, моя прелесть, – запечатлев на шее жены лёгкий поцелуй, прошептал князь над самым её ухом. От чего Мари, поёжившись, рассмеялась и в шутку незаметно ущипнула за локоть Влада.

Кити, следовавшая за ними, совершенно не понимая, что происходит с отцом и Мари, просто с удивлением смотрела на них, радостно улыбаясь.

Этим вечером Кити была ошеломляюще хороша. Её довольно смелый и посему ослепительный наряд вызвал много вопросов у отца, которые он так и не посмел задать дочери, чтобы сохранить в семье праздничное настроение. По этой же причине наряд Мари оставил все комментарии князя и вопросы также при себе.

Супруга князя, вознамерившись, судя по всему, ему отомстить, выбрала яркий костюм цыганки, от чего её колдовские глаза, томно взирая из-под маски, затягивали смотревшего в них в пьяный омут. Тёмный каскад свободно ниспадающих волос вызывал почти непреодолимое желание коснуться их и ощутить ласку щёлка. Свободный ворот алой

шёлковой блузы, расшитой самоцветными камнями, приоткрывал жадному взору тонкую ключицу и свободно спадал с одного плеча Мари. Длинная пышная юбка, расшитая преимущественно розами, при шаге, словно ласкаясь, льнула к ногам и бёдрам идущей.

Единственное, что смог вымолвить князь, увидев жену, было скорее недовольством, чем восхищением:

– Надеюсь, ты не босиком, милая? Можно простудиться.

– Ты считаешь, нужно было подробнее проработать образ? – как можно наивнее постаралась спросить Мари.

– Да куда уж подробнее?!.. – не сдержался тот.

Сказав это, Влад более не произносил ни слова, пока они ехали в экипаже.

Он только рассматривал своих спутниц, как бы пытаясь оценить, на ком из них в этот вечер было больше одежды.

В этом негласном состязании победил костюм Кити, ибо дочь князя обрядилась на великосветский бал в костюм наложницы гарема.

Пока она шла к экипажу, лёгкий ветер играл шёлковой тканью её тёмно-синей вуали и восточные шаровары из голубого тончайшего шифона при каждом малейшем порыве ветра плотно прилегали к телу, подробно обрисовывая все восхитительные черты и формы загадочной восточной красавицы в тёмно-синем платке и полумаске.

Когда тройца опоздавших вошла в зал и они поднялись по небольшой мраморной лестнице, дабы попривет-

ствовать хозяев и виновников празднества, князь окинул взором собравшихся гостей. Его нервозность и гнев относительно внешнего вида своих дам заметно поутихли. Бальный зал буквально пестрил и переливался женскими нарядами, в которых, казалось, присутствовали только два критерия: яркость и откровенность. Главным преимуществом было то, что узнать кого-либо из присутствующих женщин было практически невозможно. Пользуясь этим моментом, благородно воспитанные жёны высшего общества осмелились позволить себе в этот вечер абсолютно недопустимые вещи.

Огромных размеров огненные перья жар-птицы – это было всё, что составляло вечерний туалет самой хозяйки маскарада Баронессы Лихониной.

Расплывшись в яркой улыбке, она поспешила к новопривышим гостям:

– Добрый вечер, добрый вечер, мои дорогие, – грациозно, как бы подплывая, поприветствовала она князя и Мари.

Подобно невиданной тучной птице, она протянула свою руку-крыло князю для поцелуя.

– Я сразу же узнал вас, баронесса, – не без иронии заметил князь, склоняясь над протянутой рукой дамы в перьях.

– Я осознаю, что некоторые сочтут мой наряд довольно легкомысленным... – откровенно, даже чрезмерно кокетничая и желая тут же услышать опровержения своим опасением, пожаловалась она.

– Ну что вы... – угадав её желание, подхватил князь фразу

баронессы. – Вы словно дивная птица в этом... Огненном перьевом облачении.

Щёки баронессы под маской стали такого же оттенка, как и её костюм.

А князь продолжил:

– Если бы вы не улыбнулись мне вашей дружеской улыбкой, мне бы пришлось весь вечер гадать, кто же эта таинственная незнакомка в столь волшебных перьях?! Вы лишили бы меня сна и покоя, баронесса.

Влад почувствовал лёгкий толчок в бок со стороны, где стояла Мари. Он и сам понимал, что зашёл уже слишком далеко в своём красноречии, но хозяйку праздника это ничуть не смутило. Полностью обратившись в слух, она даже подступила ближе, так, что её дрожащие на сквозняке перья начали щекотать князю подбородок.

Мари ничего не оставалось, как поспешить супругу на выручку. Сделав шаг вперёд с распростёртыми объятиями, она заключила баронессу в крепкое кольцо своих рук.

– Дорогая вы наша, как мы рады! Даже не сомневайтесь в своём костюме. Он великолепен.

Наконец, выпустив баронессу из своих нарочито дружественных и довольно крепких объятий, Мари, подтолкнув к женщине Кити, прибавила:

– А вы узнали малышку Кити?

– Добрый вечер, баронесса, – сделав реверанс, поздоровалась девушка.

– Здравствуй, дитя моё. Тебе, должно быть, не терпится поздравить Анну?

– Как и нам всем, – ухватилась за предложение баронессы Мари, – где же она?

– Она, должно быть, вышла с Анри на террасу или в парк. Тут такая толчея и скука, что сил нет...

В высшем свете всегда было модно жаловаться на хандру и царившую вокруг скуку, но в этом году невозможно было сделать и шага на балу или светском приёме, чтобы не услышать фраз: «ужасная тоска» или «безумная скука».

– Это был на редкость скучный год, вы не находите? – обратилась баронесса Лихонина к Мари.

Та кивнула.

– То ли пять-шесть лет назад...

– Было веселей? – удивилась Мари.

– Да, нет, – ответила баронесса, – было ещё более скучно.

Мари вопросительно взглянула на мужа.

– Только не спрашивайте меня, – поспешно сказал Влад, – я старался избегать подобных... Шумных компаний в то время.

– Уж не хотите ли вы сказать, милый князь, что ваше отсутствие явилось причиной всеобщей скуки?

Баронесса весело посмеялась своей шутке.

– Я даже не мог бы мечтать об этом, – заверил её Влад с обезоруживающей улыбкой, – но в каждой шутке есть доля шутки.

Баронесса вновь рассмеялась:

– Какова бы ни была причина, я умираю со скуки. Барон! – воскликнула вдруг баронесса Лихонина, поманив к себе проходившего мимо мужчину.

– Вы согласны со мной?

На лице барона Корфа промелькнула паника, но, сообразив, что сбежать ему не удастся, он обречённо подошёл к группе беседующих гостей во главе с хозяйкой.

– Я взял себе за правило всегда соглашаться с вами, баронесса, – сбивчиво заметил барон, водружая обратно на переносицу спадающее пенсне.

– Я всегда радуюсь, когда замечаю, что мужчины умнеют, не то что пять, шесть лет назад, – поделилась своим наблюдением с Мари баронесса.

В ответ Мари только пожала плечами, а Влад снисходительно улыбнулся.

Барон Корф, вновь потеряв своё пенсне и поймав его на лету, спросил:

– А с чем же я так опрометчиво согласился на этот раз?

– С тем, что этот сезон ужасно скучный, – любезно подсказала Кити.

– О, княжна, – оживился барон, – извините, я вас не узнал. А что касается скучного сезона, то вы совершенно правы.

Кити заметила двух дам в одинаковых костюмах, присоединившихся к их компании, активно выражавших своё согласие по поводу данного высказывания:

– Такая скука, – заявила одна дама, – просто она потрясающая.

– Ты хотела сказать: «ужасающая?» – поправила её другая. – Мне ещё не приходилось бывать на более нудных балах, – драматически вздохнула она.

– В таком случае, может, вам следует убраться отсюда, милочка, – воинственно ответила ей баронесса.

– О, не этот бал, – поспешила добавить женщина, – этот бал – светлое единственное пятно в череде унылых приёмов. Я как раз это хотела сказать...

– Лучше помолчите, – оборвала её хозяйка бала.

Женщина тут же замолчала.

– Странно, – пользуясь случаем, шепнула Кити Мари.

– Что странно?

– Что высший свет не находит других развлечений, кроме как скучать и сетовать на отсутствие развлечений.

– На мой взгляд, многие неплохо проводят время, просто разглагольствуя о том, как им скучно.

Мари произнесла это чуть громче задуманного, и её реплика была встречена молчанием. Барон Корф продолжал в замешательстве смотреть на Мари, а одна дама стала странно активно мигать глазами.

– Единственное, что заслуживает интереса, – это «Титулованный Соловей», – деловито изрекла вторая дама.

Кити тут же побледнела. Мари инстинктивно подхватила её под руку. А Влад театрально закатил глаза, но, вспомнив

о предстоящей встрече в парке с этим самым Соловьём, стал озиаться, заранее готовя ходы для отступления.

– У меня потрясающая идея, – громко заявила баронесса.

Кто-то в нетерпении наигранно ахнул.

– Великолепная идея, – продолжала баронесса.

– Как и все ваши идеи, – галантно, с большой долей нескрываемого лицемерия заметил Влад.

– Так вот. Говорю вам, здесь и сейчас... Вы все будете моими свидетелями... Изумрудное кольцо, – сняв с шеи драгоценность, прогремела баронесса.

Толпа вокруг них разрасталась.

– Изумрудное кольцо получит тот... – повторила баронесса, повысив голос.

Казалось, весь бальный зал притих, напрягая слух.

– ...кто сорвет маску с Титулованного Соловья!!!

Весь зал ухнул. Кто-то начал возбуждённо спорить, кто-то нервно засмеялся.

– Но что-то мне подсказывает... – чуть склонившись к Мари и князю, прошептала хозяйка вечера. – ...Что я сама у себя выиграю это пари.

Мари и Влад удивлённо вскинули брови, а она продолжила:

– Я давно вас разоблачила, князь, – победно заулыбалась баронесса, – вы и есть Титулованный Соловей.

Влад, запрокинув голову, от души рассмеялся на это предположение.

– Уверяю вас, баронесса, ещё в глубоком детстве со мной произошёл трагический случай – достаточно крупный медведь наступил мне на оба уха.

– Я вам не верю, князь, – упорствовала она, – вас выдал костюм. Взглянув на вас теперь, я без слов всё поняла. Просто не у всех хватает смелости вам это сказать.

– Я польщён, баронесса, – улыбнулся ей Влад одной из своих самых чарующих улыбок.

– Но где же всё-таки Анна? – вмешалась в разговор Кити.

– Немедля отыщу её, – заверил баронессу князь, неспешно отдаляясь к выходу на террасу.

– Передайте, что я её зову... – повысив голос, бросила баронесса князю, так как он уже был от неё на порядочном расстоянии.

– Мари, не хотела бы ты чего-нибудь прохладительного? – учтиво поинтересовалась Кити, ища предлог, чтобы оставить это общество, возглавляемое баронессой, чьи перья и такие же экстравагантные идеи слишком уж привлекали внимание окружающих.

– Не отказалась бы... – ответила Мари, параллельно пытаясь тоже придумать предлог для поспешного расставания с баронессой.

– Я бы тоже не отказалась от бокала холодного шампанского, – подтвердила баронесса.

– Тогда я принесу, – не скрывая радости, поспешно отозвалась Кити и тут же скрылась в костюмированной толпе

гостей.

Мари даже не успела ничего понять. Только когда подруга удалилась с молниеносной скоростью, она поняла, в каком незавидном положении оказалась.

– Ну-с, моя золотая, – не заставив себя долго ждать, начала расспросы баронесса, – как ваш младшенький?..

Оказавшись оставленной в таком незавидном положении, Мари мысленно поклялась отомстить обоим Ольденбургским: и отцу, и его предусмотрительной, такой чрезмерно заботливой, очаровательной дочурке.

– Неплохо.

– А Пьер?

– Чудесно!

– Он смышлённый мальчик.

– Совершенно согласна...

Кратко, но учтиво ответив на все возможные расспросы баронессы, Мари вскоре покинула её общество. Новоприбывшие гости увлекли внимание радушной хозяйки, и Мари, пользуясь моментом, поспешила ретироваться.

Подойдя к столу с прохладительными напитками, она, окинув зал взглядом, попыталась отыскать падчерицу и очень изумилась, увидев Кити в центре зала в компании жениха Анны, виновника сегодняшнего торжества.

В растерянности оглянувшись по сторонам, Мари задержала своё внимание на высоком, крепко сложенном мужчине... Стоя за колонной, он буквально не сводил взгляда с

Кити и Анри.

Мужчина стоял, широко расставив ноги и заложив обе руки за спину, будто сдерживая себя, чтобы не подойти к объекту своего пристального наблюдения. Он был красив, даже очень красив. Его гладко зачёсанные волосы были перехвачены на затылке чёрной лентой, лицо скрывала полумаска, но очертания плотно сжатых губ и волевой подбородок свидетельствовали о том, что ему не доставляет удовольствие увиденное.

«Кити... Кити... Кити...» – в мыслях произнес её имя Щербатский, его сердце исполнило музыкальный отрывистый штрих – стаккато. Он не мог отвести от неё взгляд. Ему давно уже следовало быть на месте встречи с Владом, но Вольф был бессилён оставить её.

Оставить Кити сейчас с мужчиной, так настойчиво пытающимся завладеть её вниманием. А она словно далеко в мыслях. Её явно что-то тревожит и огорчает.

Он не видел её долгие пять лет. Все эти годы он пытался забыть её, между тем только благодаря воспоминаниям о ней, желанию хоть раз ещё увидеть эту вздорную, но такую любимую Кити ему и удалось спастись и выжить. Вспоминать их расставание ему не хотелось, слишком тяжёлым и мучительным оно было. Она тогда посмеялась над ним и над его чувствами, над его признанием.

Он стоял, не решаясь уйти и наблюдая за той самой, которая теперь стала прекрасней дневной звезды. Увидев её

впервые после длительной разлуки в театре, Щербатскому потребовалась немалая выдержка, для того чтобы не броситься к ней и не заключить её в свои объятия. Мир для него опять наполнился любовью и надеждой в тот момент, когда он позволил себе единственный раз за весь вечер взглянуть на неё. Вот и теперь он смотрел как прикованный и не мог оторвать свой взгляд, когда рядом кто-то негромко произнёс:

– Почему вы не пригласите её танцевать?

Щербатский обернулся на голос и увидел хорошенькую цыганку, в которой безошибочно можно было угадать Мари – супругу его друга и бывшую компаньонку его возлюбленной.

Пара красивых карих глаз с любопытством смотрела на него из-под ярко раскрашенной полумаски.

– О ком вы, позвольте узнать? Если вы имели в виду себя, то я искренне прошу прощения за невозможность это сделать сию минуту.

Щербатский учтиво поклонился и попытался уйти, дабы не быть рассекреченным.

– О, нет, я говорила о Кити Ольденбургской. О той, на которую вы смотрите, не отрываясь, уже четверть часа.

– Ольденбургская? – сосредоточенно нахмурился мужчина, пытаясь убедить собеседницу в её ошибочном наблюдении.

– Неужели вы незнакомы с Ольденбургской? – удивлённо вскинула брови женщина.

– Я должен Вас разочаровать. К сожалению, нет, – глядя спокойно и доброжелательно, ответил он.

– Очень жаль. Кити Ольденбургская могла бы составить Вам хорошую партию и стать Вам прекрасной княгиней.

Щербатский резко повернулся, пристально посмотрев на стоявшую рядом женщину-цыганку, он не был готов к тому, что эти слова вызовут в его сердце такое волнение. Это была надежда, надежда неутраченного счастья с любимой. С Кити, о которой теперь он мог мечтать только тайно, не позволяя себе даже думать о возможном счастье с ней.

– С чего вы решили, что...

– Я только предположила, но то, что вы весь вечер не сводите глаз с Кити Ольденбургской, – это очевидно, – почувствовав волнение собеседника, Мари решила разрядить обстановку, перейдя на шуточный тон.

Мужчина не замедлил её поддержать в этом:

– Я обратил на неё внимание лишь потому, что она не танцевала, – честно ответил незнакомец в маске.

– И вы собирались с духом, чтобы её пригласить?

– Ничего подобного, – возразил он.

– Значит, вы просто любуетесь её красотой?

– Нет.

– Вы не находите Кити красивой? – продолжала цыганка.

Её собеседник отрицательно покачал головой:

– Она довольно красива, как и большинство присутствующих здесь дам. Но я выделил её из толпы лишь потому, что

она не танцевала.

– Я тоже не танцевала, но вы не обратили своего внимания на меня...

Женщина взглянула на него с загадочной улыбкой:

– Простите, что отвлекла вас. Когда будете танцевать с Кити, передавайте ей от меня привет. И... Ещё, Щербатский, тут насчёт Соловья баронесса затеяла пари... Лучше бы вам нарядиться кем-то другим...

Мари ещё раз широко улыбнулась собеседнику и, повернувшись, двинулась от него прочь.

– Чёрт! Чёрт! – это было произнесено князем уже в свете услышанного им. Он вдруг на секунду забылся. Но тут он обратил внимание, что добрая половина присутствующих с неподдельным интересом рассматривает его. Щербатский, нахмурившись, поспешил покинуть зал.

Как и предполагал Влад, практически все присутствующие мужчины, не выделяясь полётом и оригинальностью мыслей, все как один в этот вечер примерили на себя образ «Титулованного Соловья». Бальный зал был заполнен тёмными фигурами, облачёнными в чёрные плащи и полумаски, подобные костюму Соловья. Это было довольно банально, просто и в то же время узнаваемо – лучший вариант мужского костюма придумать было невозможно. Влад всегда подозревал, что его друг – гений. Теперь он в этом убедился, оставалось только найти нужного ему Соловья и попытаться

спасти его шкуру.

Договорившись встретиться в парке на территории поместья, Влад, добравшись до условленного места и опасаясь быть неузнанным другом, одним движением сорвал маску и стал прислушиваться к ночной тишине, пытаясь уловить шорохи или звуки приближающихся шагов. Князю было на руку то, что Кити и Мари задержала баронесса, не позволив женщинам увязаться за ним. Это, можно сказать, был подарок судьбы.

Вскоре князь услышал, что к нему кто-то неспешно приближался, осторожно ступая в ночной темноте. Князь коротко и приглушённо свистнул. В ответ раздался точно такой же свист, а затем в тишине ночного парка зазвучала тихая трель соловья. Влад тут же направился на голос друга, искусно имитирующего песнь птицы.

Пробравшись сквозь тернистые заросли, Влад громко чертыхнулся, зацепившись своим плащом за торчащий острый сук.

– Твою ругань слышно за километр, Влад, – донёсся до князя голос из темноты, прежде чем он смог увидеть выступившую ему навстречу высокую фигуру, укутанную в чёрный плащ.

– Это ты Вольф? Твою ж... Я, кажется, изорвал свой плащ в клочья, – не дождавшись ответа на поставленный вопрос, продолжил князь.

– Я одолжу тебе свой, – не в силах сдерживать широкую

улыбку, обнял старого друга Щербатский.

– Я тоже рад, Вольф, но готов поклясться, у тебя неприязни. Так?

– Всё верно, всё верно, Влад. Но я не уверен, что хочу втягивать тебя в это.

– Ты мне по порядку всё объясни, а я сам решу, ввязываться мне в это или нет. Когда ты вернулся?

– Две недели назад.

– Ты две недели в городе и не сообщил? – удивился Влад.

– Я не мог тогда решить, как безопасно это сделать...

– За тобой давно следят?

– С того самого момента, как я, преодолев границы Турции, оказался в России.

– Кто следит, турки? – догадался Влад.

– Ты мыслишь в верном направлении, но не только они.

– Так тебя, значит, обложили со всех сторон?

– Вернее не скажешь... – с какой-то потаённой злобой ответил Вольф и, откинув плащ, опустился на скамью.

– Не тяни... – волевым голосом поторопил его Влад и присел рядом.

Щербатский, стянув с лица маску, долгим и пристальным взглядом посмотрел на друга. Он знал, что может доверять Владу. Он тысячу раз доверял ему свою жизнь и никогда бы сам не позволил подставить под удар жизнь и благополучие человека, который сейчас сидел напротив. Тем более благополучие его семьи.

– Пообещай мне, что твоя дочь ни о чём не узнает и...

– Обещаю, – прервал Щербатского Влад, прежде чем тот успел договорить.

Щербатский быстро и чётко начал излагать суть дела:

– Как ты знаешь, в Гурии давно стало нарастать недовольство русским правлением. Введение новых налогов, реформы, а в последнее время стали распространяться слухи о том, что гурийских крестьян будут призывать на службу в русскую армию. А Гурия – это земля людей особо храбрых и вспыльчивых...

– Гурийцы умны и образованны, они и вправду народ храбрый и верный данному слову... – подхватил князь.

– Но крайне горячие и раздражительные, – продолжил Щербатский, – вспыхнуло народное восстание, в котором участвовали не только крестьяне, но и дворяне, и даже князя. Несмотря на то что серьёзных восстаний в регионе не происходило, в Гурии продолжали кое-где действовать пирали⁹.

– Беглые. Мы так называли местных разбойников, и так же называли дезертиров из османской армии, прятавшихся в гурийских горах. Но пирали всегда соблюдали своеобразный кодекс чести – они не грабили бедных, не убивали беззащитных.... Да, они были, мягко выражаясь, не сторонниками империалистической России, но...

– Так было... Но теперь, как ты выражаешься, империали-

⁹ Разбойники.

стическая Россия для всех кавказских народов – это «тюрьма», чьи обширные просторы полны крестьянскими восстаниями и виселицами! – со злостью и нескрываемой ненавистью прошипел Щербатский.

Князь задумчиво глядел на друга:

– Не хочешь же ты сказать... – начал было князь, но слово «предатель» по отношению к другу он не посмел произнести.

Влад выразился по-иному:

– ...Ты пополнил ряды горцев? – тяжело произнёс он.

Вольф, поднявшись со своего места и выпрямившись во весь свой внушительный рост, тихо и спокойно произнёс:

– Я никогда не предавал свою Родину и своего царя. И не буду предателем, что бы ни произошло, Влад. Именно поэтому я здесь.

В свою очередь князь тоже поднялся и, не скрывая облегчения и даже радости, обнял старого приятеля.

Щербатский удивлённо спросил:

– Что тебя так обрадовало, пару минут назад ты был подобен грозовой туче? Ты рад, что я не предатель?

– Чертовски! Мне ужасно не хотелось бы придушить тебя и закопать в этом парке.

– И ты туда же? За моей головой охотятся турецкие наёмники и гурийские пиралы. Ты решил к ним присоединиться?

– Я рад, что ты жив... – уже совершенно серьёзно сказал Влад. – И рад, что мой друг не предатель. Что же ты такого знаешь, что мешаешь всем и сразу?... – поинтересовался

князь.

– Нет, не скажу, Влад, – отрицательно покачал головой Щербатский, – я не рискну и твоей головой.

– Ты плохо меня знаешь, если думаешь, что я уже не понял, в чём тут дело... Собираешься в одиночку предотвратить покушение, Вольф?

– Чёрт, Влад! – выругался Щербатский.

– Для чего ты объявился Соловьём? – продолжил свои расспросы князь.

– Мне нужно выяснить, кто с нашей стороны оказывает им поддержку.

– Логично. Но...

Влад прервался на полуслове. Оба мужчины резко обернулись на звук хрустнувшей ветки.

– Пора расходиться, – почти беззвучно произнёс Влад, – сейчас же направляйся в Ольденбургское. Встретимся в гостевом домике завтра. Ты помнишь, где ключ?

Вольф кивнул и скрылся в ночной темноте.

Влад тоже поспешил покинуть парк, стараясь держаться в обход той стороны, откуда донёсся звук.

Кити шла по тёмному, заросшему парку, не ведая куда. Совершенно сбитая с толку и расстроенная, девушка, даже не чувствуя ночного холода, не замечала ничего вокруг.

«Как же это было возможно?!» – только и повторяла в своём уме растерянная Кити. Ноги у неё подкашивались, а серд-

це колотилось, как у испуганной птицы. Она хотела покинуть этот несправедливый мир, так ей стало тяжело на душе и обидно. Обидно за Анну после разговора с Анри... Обидно и за себя.

Анри Эварси, жених Анны, заметил Кити, когда та пробиралась за холодным шампанским для Мари и его будущей свекрови. Он тут же поспешил к ней, без труда узнав Кити по её манере держаться и дурной привычке постоянно озираться, будто выглядывая или ожидая кого-то.

– Кажется, я нашёл себе партнёршу для вальса! – прошептал он Кити над самым её ухом.

От неожиданности и испуга девушка вздрогнула всем телом, и добрая половина шампанского выплеснулась на ослепительно белый костюм тореадора – Анри.

Тот, в свою очередь, ничуть не огорчившись, только заразительно расхохотался, запрокинув голову. Кити ничего не оставалось, как последовать его примеру.

– Эварси, вы меня безжалостно напугали, – не без доли кокетства, в шутку отчитала его девушка.

– Анри, моя дорогая Кэт. Вы всегда называли меня Анри, что же произошло?

– Сегодня вы почти женатый человек, Эварси, почти муж моей лучшей подруги. Кстати, где она?

И Кити оглянулась по сторонам, пытаясь в пёстрой толпе разглядеть Анну. Ведь если жених был тут, то невеста должна была быть где-то неподалёку.

Когда-то Анри самоотверженно ухаживал за Кити, настойчиво добиваясь её согласия на брак. И сама Кити, бывало, в моменты безысходного отчаяния была готова принять его предложение.

Анри Эварси был очень хорош собой – богатый француз с голубыми глазами и светлыми, лёгкими, словно пух, кудрями. Одевался он всегда с большим вкусом, необычно и ярко, чем выгодно отличался, не сливаясь с толпой. Но при всех своих совершенствах и достоинствах Анри Эварси страдал одним неисправимым недостатком. Он не был Щербатским. Этого было достаточно, чтобы Кити вновь и вновь ему отказывала в его ухаживаниях и притязаниях.

– Я должна вернуться к Мари, – бросила Кити Анри и устремилась было в толпу, но он остановил её, схватив за руку.

– Прошу тебя, Кэт, – тихо взмолился мужчина, – скоро мне придётся не думать о тебе.... Это будет невыносимо сложно.

– Что ты такое говоришь, Анри? – изумилась Кити, не желая верить услышанному.

– Мне хочется как можно скорее заключить вас в объятия, – продолжал точно обезумевший от страсти француз, – следующий танец, если мне память не изменяет, вальс?

– Что ты себе позволяешь? Сейчас же отпусти меня, тупица! – шипя, точно ядовитая змея, приказала Кити.

Криво улыбнувшись проходящей мимо любопытствующую-

щей паре, она мягко, но настойчиво высвободила руку.

– Если ты сию же минуту не заберёшь свои слова обратно, клянусь, я вылью остатки шампанского на твою глупую голову! Ты мой друг, а друзья так не поступают! – чуть не плача, звенящим голосом требовала Кити.

Видя, в какое состояние его слова привели девушку, Анри ничего не оставалось, как обречённо вымолвить:

– Ты что, малышка?! Я же пошутил.... Неужели же ты могла подумать?..

Он даже печально и вымученно смог улыбнуться в конце своих слов.

– Ну, иди скорее.... Отыщи Анну и поздравь её. Она тебя очень ждала.

И хоть глаза Анри и были скрыты чёрным домино, всё же Кити смогла разглядеть в них неописуемую тоску и печаль.

– Я буду иногда мечтать о тебе, – сказал он, прежде чем скрыться в толпе танцующих и веселившихся на празднике в честь его помолвки.

Чтобы поскорее избавиться от обрушившегося на неё осознания очевидного, Кити поспешила покинуть и бал-маскарад, и особняк. Безоглядно преодолев расстояние до террасы, Кити сбежала вниз по узкой лестнице и, оказавшись в парке-лабиринте, бессознательно решила в нём затеряться.

Из глубоких раздумий Кити вывела тихо-нежная соловьиная трель.

«Ночной соловей?» – удивившись, подумала девушка.

Это было что-то невиданное и неслыханное.

Тут же изменив свой бесцельный маршрут, Кити последовала за дивными звуками.

По мере её приближения мелодичный свист затихал, и Кити в какой-то момент даже подумалось, что она выдумала этот звук и он ей почудился. Но девушка, не сдаваясь и не страшась темноты, упорно продолжала продвигаться вперёд, пока вдруг не наткнулась на что-то... Живое.

Это был Соловей, точнее, мужчина в костюме «Титулованного Соловья».

Даже в крошечной тьме Кити оценила почти абсолютную схожесть с оригиналом. Уперев обе ладони в грудь незнакомца, Кити мгновенно почувствовала шёлк его рубашки и бешеный гул его сердца. Одёргнув руки, словно от огня, девушка отступила на полшага и тихо произнесла:

– Я вас напугала, извините.

Незнакомец только улыбнулся, настойчиво продолжая хранить пугающее молчание.

– Я услышала соловья и решила...

В этот момент Кити пришли на ум совершенно не ободряющие мысли. Она вдруг осознала, что стоит одна в ночной глуши парка с незнакомым ей мужчиной. Сердце Кити замерло, стараясь не выдавать своего безумного страха, девушка неосознанно стала пятиться назад. Она громко взвизгнула, так как наткнулась на что-то спиной, потом она поняла, что это был большой шершавый ствол дерева.

Мужчина, с интересом приглядываясь в темноте, будто пытаясь разгадать её лицо, медленно начал приближаться. Он смотрел на неё как бы с насмешкой и вместе с тем невозмутимо. Словно немой вопрос, застывший на его губах, был адресован снедавшему его беспокойству.

Похолодев от ужаса, Кити, повинувшись непонятному инстинкту или зову, одним движением руки сорвала свой платок, а затем и маску с лица.

Самым удивительным было то, что её непонятные действия возымели успех.

Разбойник остановился как вкопанный, замерев на месте, и, казалось, даже не дышал.

Щербатский не мог сделать ни вдоха, ни шага.... Перед ним стояла она. Это была Кити. С первой же секунды их столкновения он почувствовал её и лишь на малое время засомневался, что это могла быть другая женщина. Сейчас Кити казалась ещё красивее, чем помнил Вольф, возможно, всё дело было в игре света, подчёркивавшей её совершенство. Миниатюрная, с тонкой талией, в этом умопомрачительном прозрачном шёлке, столь же нежном, как и её кожа. Точёный маленький носик, светло-золотистые брови, изогнутые красивой, правильной дугой, он рассматривал её лицо как картину, созданную талантливым художником. Вольф был не в силах отвести от неё глаз, хотя и понимал, что следовало бы. Но не мог.

Поразительно, как это она ухитрилась до сих пор оставать-

ся незамужней барышней?

Первое, что сделал Щербатский по прибытии в город, – навёл справки о молодой княжне Ольденбургской. Он выяснил, что Кити, считаясь первой красавицей в обществе, каждый сезон бессердечно отвергала лучших женихов и претендентов на её руку. В некоторых мужских клубах только ленивый не удосужился сделать ставку на очередной отказ княжны новоиспечённому ухажёру. Уже пятый год, как Кити была вхожа в свет, и до сих пор она и её сердце оставались свободными. Чего же она ждала?..

– Вы меня знаете? – спросила Кити, делая нерешительный шаг к нему навстречу. – Вы так резко остановились, точно узнали меня.

– Я вижу вас впервые, – ровным, бархатным тоном солгал в ответ Щербатский.

– Почему же вы буквально остолбенели на месте?

– Я удивился, увидев вас, так вдруг, – ровным низким голосом продолжал отвечать незнакомец.

– Удивились?.. Что же такого удивительного?

– Красота всегда удивляла меня...

Кити помолчала, с интересом разглядывая незнакомца, а затем продолжила:

– Вы приятель Эварси?

– С чего вы так решили?

– Такие разговоры с первой встречной для него характерны, – чуть улыбнувшись, промолвила она.

– «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Понимаю... – улыбнулся он в ответ. – Нет, я не приятель маркиза.

– В таком случае кто же вы?

– Я бы просил вашего позволения не отвечать вам на этот вопрос...

– А если я скажу, что не позволяю?

– Тогда я отвечу вам, что я Соловей, – улыбнулся мужчина.

Вольфу с трудом удавалось держать форму лёгкого и непринуждённого разговора, и тем не менее он как-то справлялся.

– Умно! – заключила Кити. – На сегодняшнем приёме десятков восемь Соловьёв и ни одного настоящего.

– Я настоящий, – сам не понимая для чего, произнёс Вольф.

– Этого не может быть, – снисходительно улыбнулась Кити.

Она сказала это, и с губ её слетел выдох сожаления. На какое-то мгновение Вольфу показалось, что глаза Кити наполнились грустью и тоской.

– Почему вы полагаете, что этого не может быть?

– Потому что я его знаю. Знаю Соловья. У него голос совершенно не такой, как у вас.

– Какой же у меня голос? – не удержался Щербатский и сделал шаг к ней навстречу.

– Ваш голос звучит мягко и по-доброму... Кроме того, та-

кие выражения, как: «красота удивляет», более не присуши Соловью. Он стал грубым, жестоким человеком. А прежде... Прежде всё было не так... Он был другим. Простите, – спохватилась Кити, точно вернувшись из неожиданно нахлынувших воспоминаний, – сама не знаю, зачем я вам это всё рассказываю...

– Мне приятны ваш голос и ваши слова...

Кити удивлённо вскинула брови, а затем внимательно посмотрела на собеседника. Всё это время его скрывала тень, и девушка могла видеть лишь его яркие глаза, но в тот момент, когда незнакомец сделал шаг в её сторону, он, сам того не подозревая, вышел на свет. Рассеянный, бледный свет луны упал на его лицо и плечи. Кити теперь без труда могла разглядеть его.

Пристально вглядываясь в его лицо, она шагнула к нему. Теперь они стояли совсем близко друг к другу, в одном сиянии луны. Протянув руку, при желании Щербатский мог легко коснуться её. Он неотрывно смотрел на неё, она – на него.

– Вы не желаете снять свою маску? – поинтересовалась Кити.

– А вам бы хотелось, чтобы я снял её?

– Не стану отрицать... Да! Мне бы хотелось, – совершенно осмелев из-за жуткого любопытства и чего-то ещё, будоражащего и не совсем осознанного, произнесла она, сделав ещё несколько шагов навстречу к мужчине.

Вольф всегда восхищался Кити, даже когда она была де-

вочкой-подростком, а теперь перед ним стояла сказочная нимфа в восточных шелках. Долгое время скитаясь по чужой стране и знакомясь с её бытом и культурой, Щербатский всегда фантазировал, что если русская княжна примерит на себя одеяние султанской наложницы. Кити в эту ночь своим обликом удовлетворила его любопытство сполна. Чуть прозрачный, лёгкий шёлк всех оттенков синего ярко подчёркивал голубизну её неповторимых глаз.

Щербатскому до боли, до стона захотелось заключить её хрупкую фигурку в крепкие объятия. Сделав глубокий и резкий вдох, он самоотверженно произнёс:

– Подарите мне свой поцелуй, и тогда вы узнаете, кто перед вами.

Не успев осознать всей скандальности просьбы незнакомца, Кити, чуть заметно кивнув, приблизилась к нему почти вплотную.

– Мне кажется, я вас знаю, – вглядываясь в голубые глаза, смотрящие на неё из-под маски с нескрываемым восхищением, предположила Кити.

В своём безудержном любопытстве, словно очарованная загадочным сиянием в глубине льдисто-голубых глаз незнакомца, Кити, приблизив к нему своё лицо, прошептала:

– Я знаю, что вас знаю.

Не в силах отказать себе в подобном блаженстве, Щербатский, чуть склонившись над ней, сам преодолел то краткое расстояние, что разлучало его губы с губами Кити.

Это было столь же восхитительно, сколь и невероятно. Ему будто вновь даровала судьба надежду познать самые значимые моменты человеческого существования. Потеряв возможность видеть Кити, слышать её голос, находиться рядом с ней, он будто перестал замечать ориентиры. Те тропки, которые могли привести его к простому человеческому счастью. И теперь, чувствуя её губы, Щербатский будто вновь мог познать страх, радость, отчаяние, надежду... Ощущение от нежных губ Кити оказалось такое сильное, будто это случилось с ним в первый раз... Голову понесло, и все правильные, порядочные мысли в один миг покинули его. Вольфу захотелось продлить поцелуй, сделав его бесконечным.

«Осторожно, старина», – предостерёг внутренний голос. Но Вольф не прислушался к нему. Тем более что в этот момент Кити раскрыла свои восхитительные губы.

Щербатский распахнул глаза и едва слышно произнёс её имя. Взглянув на пылающее лицо девушки, он снова закрыл глаза, всем своим существом отказываясь от неё оторваться. Обхватив тонкую талию Кити, он ещё ближе притянул её к себе, с наслаждением ощущая мягкие и податливые формы тела, идеально подходящие его объёмам. Точно тонкая лоза, обвив его шею руками, Кити ещё крепче прижалась к нему.

Поцелуй стал глубже, заставив Вольфа позабыть о его выдержке. Он дал себе слово не приближаться ни к ней, ни к её семье. И что же в итоге?! Отец этой неземной девушки толь-

ко как четверть часа назад предложил ему помощь и укрытие, а он, Щербатский, мало того, что втягивал в это дело его дочь, так ещё и жадно, бессовестно целовал её, увлекаясь и увлекая её за собой познать нечто большее, восхитительно большее... Почему же всё вдруг так непоправимо осложнилось? Почему? Он прекрасно знал, что не стоило оставаться с ней наедине ни минуты. Не рассчитал, что будет сражен её красотой. Не думал, что его взор так изголодается по ней. Не представлял, что вновь так безжалостно и быстро попадёт под её чары. Что сначала невинное прикосновение её губ воспламенит его желание до безграничной степени. Что он будет околдован огромными сияющими глазами, нежными губами. Он безумно и безнадёжно скучал по ней.

– Хватит, – с невероятными усилиями отстранив девушку от себя, хрипло произнёс он.

– Вы первый поцеловали меня, – не успев очнуться от томной неги, чуть слышно ответила Кити.

– Моя ошибка не даёт права ошибаться вам.

– Как это удобно, не правда ли?! – пытаюсь понять, что же стало причиной подобной перемены, сурово произнесла Кити.

– Вас скоро хватятся.

– Откуда вам знать?

– Возвращайтесь на бал.

– Не раньше, чем вы исполните то, что обещали, – упорствовала Кити.

«Олух! – мысленно выругал себя Щербатский. – Знал же, что от неё нужно бежать, как от огня!»

– Даю вам слово, что следующим днём вы меня раскроете, – пообещал он девушке.

– Как же так? Тогда и целовать вам меня нужно было «следующим днём».

Мысль о возможности повторения этой сладкой пытки привела сердце Щербатского в трепет. Вряд ли он наберётся смелости ещё раз подвергнуться такому испытанию и вряд ли сможет держать себя в руках. «А ведь лучше бы держаться от неё подальше», – вновь вызвался напомнить внутренний голос. Впредь он так и будет поступать, по крайней мере, до тех пор, пока не убедится, что его друзьям ничто не угрожает. Он будет полностью избегать и сторониться её, и уж тем более никаких прикосновений. Стоит ему дотронуться до неё, и он теряет разум.

– Я прошу вас проявить терпение. Завтра мы увидимся вновь, и обещаю, вы поймёте, кто я, Кити, – прошептал Щербатский, прежде чем скрыться за живой изгородью парка.

Торжественные фанфары и нескончаемые аплодисменты приветствовали молодых людей после официального объявления об их помолвке. Анри и Анна в сопровождении баронессы Лихониной принимали поздравления и многочисленные пожелания.

Мари стояла поодаль, выжидающе оглядываясь по сторо-

нам. Наконец, она заметила своего супруга, стремительно направлявшегося в её сторону.

– Как твой вечер, дорогая? – подойдя к Мари и нежно поцеловав её в висок, поинтересовался князь.

– У меня всё хорошо, а как у тебя и твоего друга?

– Ты о ком? – с непониманием взглянул на супругу тот.

Мари, ничего не сказав ему на это, только закатила глаза.

– Не желаешь поздравить Анну и Анри? – спросила она.

– Конечно, поздравим. Только... А где же Кити? Думаю, она тоже хотела бы поздравить друзей.

– Я её уже давно не видела.

– Это как? – напустив на себя серьёзный вид, удивился князь. – Компаньонка моей дочери не знает, где её подопечная?!

Князь лукаво улыбнулся и, наклонившись к Мари, уж было собирался завладеть её губами, но она оттолкнула его и гневно прошептала:

– Что ты делаешь?!

– Целую свою жену.

– Прекрати немедленно! Все смотрят, – шутя, отбиваясь от мужа, проворчала Мари.

Князь увлѣк супругу за огромные кадки экзотических растений, где их никто бы не мог увидеть, и одним движением стянул с её лица маску:

– Я скучаю по твоим глазам.

– Тебя весь вечер нет рядом, – выказала ему свою обиду

Мари.

– Были дела, но теперь я займусь тобой, – прошептал князь у самых губ Мари.

Она успела развязать его маску, прежде чем их губы слились в волнующе продолжительном поцелуе.

– Давай поскорее отыщем Кити и вернёмся домой, – нехотя оторвавшись от губ Мари, предложил князь, с трудом пытаясь восстановить своё сбившееся дыхание.

По очереди выйдя из импровизированного укрытия, супруги направились к столам с напитками, надеясь именно там застать Кити.

Девушки нигде не было видно. Князь уже в третий раз обошёл бальную залу в поисках дочери, но тщетно.

Совершенно неожиданно Кити появилась рядом с Мари, попав в залу через распахнутое французское окно.

– Как тебе бал? – как ни в чём не бывало поинтересовалась Кити, будто она отлучилась всего на пару минут и теперь вот вернулась.

– Где ты пропадала всё это время, Кити?! Твой отец уже лютует.

Мари внимательно взгляделась в раскрасневшееся личико своей подруги и, понизив голос до полусшёпота, прибавила:

– У тебя было свидание?!

Девушка нерешительно кивнула в ответ.

– Давай найдём твоего отца, поздравим Анну, и дома ты мне всё подробно расскажешь. Кто он? Я его знаю?

Кити лишь молча смотрела на Мари широко распахнутыми, бездонными глазами цвета утреннего неба.

Мари хорошо знала, что девушка практически не бывала на свиданиях, за исключением пары раз, и только лишь для того, чтобы показать окружающим, что она, Кити, не мучается тоской и печалью. Теперь же во взгляде, в движениях, даже в дыхании молодой особы чувствовалось нечто неуловимо восторженное, трепетное и изысканное; во всём поведении и образе Кити несложно было угадать чувственного открытия: сияющие глаза, припухлые губы, трепет прикрытых ресниц, яркий румянец на щеках и дрожь на кончиках пальцев.

– Ты целовалась!?! – громкий, но всё же шёпот вырвался с уст Мари.

– Тише, Мари, прошу тебя.... Обещаю, что всё тебе расскажу.... Сейчас я немного не в себе...

– Я вижу твоего отца, – прервала подругу Мари, – он идёт к нам. Постарайся не так сиять, а то он всё поймёт. И кто это был?

– Мари... – в отчаянии простонала Кити, так как отец был уже совсем близко.

– Ну, нашлась, моя дорогая? Я уже собирался разыскивать тебя в парке, – ласково сказал он дочери, предложив свои руки обеим дамам.

– Думаю, нам стоит поздравить Анну и Анри... – предложила Мари.

– Я их уже поздравила, – поспешно ответила на это Кити.

Ей совершенно не хотелось видеть сейчас Анри. Встреча в парке так её встревожила, что Кити поскорее хотелось оказаться дома. В безопасности. Она так привыкла к тому, что ничто давно не удивляло её и не тревожило её чувств, но сегодня бурный поток эмоций и новых ощущений перевернул всё существование и всё привычное для Кити.

В начале встречи в парке девушке показалось, что её собеседник не такой уж и незнакомец. Кити даже в какой-то момент была уверена, что знает, кто перед ней. Но после просьбы этого мужчины о поцелуе мысли о князе Щербатском покинули её. В их последнюю встречу он взирал на Кити с таким пренебрежением и холодом, что о поцелуях не могло быть и речи.

Этот же мужчина смотрел на Кити по-иному. С такой теплотой и нежностью, а после того, как Кити получила свой первый урок в «науке нежной», взгляд незнакомца стал поистине обжигающим. В крепких и нежных объятиях, позабыв обо всём на свете, Кити наслаждалась его опытными и восхитительными ласками. Когда он покинул её, скрывшись в ночной темноте, первое, что пришло на ум Кити, было: «Бог мой! Неужели же я исцелилась?!». Эта мысль и ощущение освобождения от любовного недуга так воодушевили девушку, что она мысленно даже поблагодарила незнакомца, который показал ей иной мир и исцелил больные чувства Кити.

Незнакомец также пообещал, что завтра она сможет узнать его имя. Эта мысль заставила девушку невольно улыбнуться. «Только уснуть в эту ночь. Скорее бы рассвет и новый день», – размышляла Кити всю обратную дорогу. Потом её стали одолевать сомнения на этот счёт: «Может, было бы лучше оставить всё как есть и не знать, кто кроется под маской?..» – но уже через мгновение Кити вновь нежно улыбалась мечтам о первой встрече с её незнакомцем.

Девушка многое пережила и испытала в этот вечер. Несмотря на возбуждённое состояние, убаюканная равномерным покачиванием экипажа, она погрузилась в глубокий сон.

Влад появился в своём кабинете только ближе к полудню. Встав с постели довольно поздно, он поцеловал спящую Мари, умылся, оделся и поспешил спуститься в кабинет, где его давно поджидал Щербатский.

Лучи весеннего полуденного солнца уже имели силу и возможность дарить тепло.

Вольф Щербатский, как довольный кот, щурясь от яркого света, сидел у раскрытого окна, наслаждаясь теплом золотого солнечного потока. Он даже не удосужился открыть глаз, когда Влад ворвался в кабинет:

– Надеюсь, тебе было чем заняться всё это время? – вместо приветствия произнёс князь.

Пройдя к столу, он позвонил в колокольчик, и тут же на

пороге кабинета возник управляющий Тимофей:

– Доброго дня, ваша светлость.

– Доброго. Что ты желаешь на завтрак? – обратился князь к другу.

– Я уже даже пообедать успел, – не сменив позы и даже не повернув головы в сторону собеседника, отозвался тот.

– Отлично. Тимофей, мне как всегда... И кофе побыстрее.

– Сию минуту, ваша светлость.

Как только управляющий скрылся за дверью, Влад засыпал друга вопросами:

– Как ты устроился в гостевом домике?

– Отличный домик. Я и позабыл совсем о его существовании.

– Я прикажу там всё обустроить для тебя...

– Не утруждай себя. Мне там удобно. И я бы предпочёл, чтобы как можно меньше людей знало о моём пребывании в Ольденбургском.

– Тебе не о чем беспокоиться. Народу в поместье не так много, и все они свои люди.

– Ну, жизнь полна сюрпризов и обманов.

– Это верно. Мне вот, к примеру, не привычно, что ты заделался в философы и то и дело изрекаешь что-то загадочно-умное. В нашем общении за уныние всегда отвечал я. Ума не приложу, что теперь мне делать?..

Только теперь Щербатский, улыбнувшись, взглянул на друга:

– Я повзрослел.

– Не поздновато ли?..

– Всеми своё время, – многозначительно произнёс Щербатский, вновь устремив свой взгляд вдаль.

– Ну, заканчивай... – протянул Влад. – Тебе это не идёт. А не то я вернусь в постель, там меня ожидало утро куда приятней, чем твоя пессимистичная загадочность.

Владу не нравилось, что его прежде жизнерадостный и безответственный друг резко переменялся, став задумчивым и меланхоличным. Какая-то беспросветная обречённость, словно тень, накрыла в прошлом беззаботного Щербатского. Влад понимал, что ему пришлось непросто, но и в былые тяжёлые времена он не терял своего искромётного чувства юмора. Благодаря этому они и сошлись в минувшие страшные дни, когда поля были залиты кровью, а воздух был пропитан смрадом и запахом смерти.

Мужчины встретились на поле боя. Тогда это было самым началом конфликтных отношений с турками. Никто и предположить не мог, что война затянется на долгие десятилетия.

Влад хорошо помнил, как его игольчатый штык успел вонзиться в турка, прежде чем бы тот рассёк мальчишку-новобранца пополам. С этих самых пор юнкер Щербатский ходил за князем практически по пятам.

Ещё до недавнего времени Вольфа не покидали его ребячество и легкомыслие, теперь же перед князем был взрослый, разумный мужчина, который был готов расстаться с

собственной жизнью, но не предать ни своей веры, ни своих убеждений. Влад предполагал, какие мысли занимали сейчас голову Щербатского, поэтому сразу перешёл к делу:

– Не решай проблемы в одиночку, когда рядом есть другой человек, которому ты доверяешь. Голова заболит.

– Я не хочу тебя втягивать в это...

– Для чего тогда появился «Соловей»?.. Я сам тебе отвечу на этот вопрос. Тебе нужен был я. Именно поэтому ты сейчас сидишь в моём кабинете. Я твой друг, и ты правильно сделал, что нашёл способ со мной связаться. Не томи и выкладывай. Всё с самого начала и по порядку. А не то в скором времени моя семья нас одолеет.

– Им точно не стоит знать, что я тут.

– Чёрт! Вольф, ты не щенок, чтобы я мог спрятать тебя на конюшне.

Щербатский, застонав от бессилия, соскочил с кресла и, запустив обе руки в волосы, нервно взъерошил их, от чего стал похож на разбойника с большой дороги. Одет он был в одну лишь льняную рубашку со свободным воротом и чёрные брюки для верховой езды. До блеска начищенные сапоги Щербатского валялись в стороне. Босой и с бешено горящими глазами, сжав руки за спиной, он прошёлся широким шагом по периметру кабинета:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.